2941
24

Отзывъ о сочиненіи М. С. ПОПОВА:

Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій (съ 4 рисунками). С.-Пб. 1905,

составленный В. С. Иконниковымъ.

I.

Личности, которой посвящена настоящая монографія, можно сказать, посчастливилось въ нашей исторической и публицистической литературѣ. Объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ ходили преданія съ извѣстной окраской, слагались легенды, передавались изъ рукъ въ руки летучіе листки въ то время, когда строгая цензура была неумолима къ проявленію своеобразныхъ мнѣній, не согласныхъ съ общепринятыми или одобренными (Смолинъ, Лопухинъ), составлялись панегирики (митр. Евгеній, въ «Зрителѣ», Снегиревъ, Барсовъ и др.), наконецъ писались болѣе или менѣе обширныя статьи и изслѣдованія, до архивныхъ разысканій включительно. Разобраться въ этомъ матеріалѣ, казалось тѣмъ труднѣе и необходимѣе, что сочувственный и благопріятный взглядъ на роль и характеръ дѣятельности Арсенія, какъ и Арт. Петр. Волынскаго, установился гораздо раньше и прочнѣе, не смотря на оффиціальное ихъ осужденіе, чѣмъ позволяли малоизвѣстные факты и оцѣнка этихъ послѣднихъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что преобладающее значеніе на первыхъ порахъ пріобрѣло стремленіе выяснить не столько біографическія черты изучаемой личности, сколько причины постигшей ее катастрофы (относительно Волынскаго—Блудовъ, Шишкинъ, Ковалевскій; относительно Арсенія Мацѣевича—Чистовичъ, Мстиславскій, Соловьевъ, Барсовъ, Морошкинъ), оцѣнка которой, однако, слагалась подъ угломъ зрѣнія авторовъ, смотрѣвшихъ (въ дѣлѣ Арсенія Мацѣевича) съ извѣстной стороны на положеніе духовной власти, секуляризацію цер-

ковныхъ имуществъ или монастырскій вопросъ вообще. Въ значительной степени содѣйствовала тому сама Екатерина II, ославившая Арсенія передъ лицомъ своихъ иноземныхъ друзей и въ оффиціальномъ приговорѣ, какъ «защитника двоевластія» и «фанатика», откуда уже слѣдовалъ прямой выводъ для тѣхъ, кто высоко ставитъ принципъ церковной независимости, смотрѣть на Арсенія, какъ на мученика идеи и борца за свободу церкви. Со времени Никона (проявленія были и раньше) это отношеніе двухъ властей проходитъ красною нитью, то затихая, то снова давая себя чувствовать, если угодно,—до извѣстной записки архіеп. волынскаго Агаѳангела († 1876 г.) включительно (Плѣненіе русской церкви, Записка преосв. Агаѳангела, архіеп. волынскаго, и проектъ всеподданнѣйшаго ходатайства передъ Государемъ Александромъ II, М. 1906) и нѣкоторыхъ предсоборныхъ преній недавно, когда издана и означенная записка. Указанная сторона дѣятельности того или другого лица, при несомнѣнныхъ выдающихся чертахъ даннаго характера, настолько заслоняетъ отъ глазъ изслѣдователя остальныя его качества, что историческая перспектива легко утрачивается и въ лицѣ представителя извѣстной идеи на первый планъ выдвигается онъ, какъ защитникъ принципа и борецъ, хотя павшій въ неравномъ бою, но привлекательный по своей непреклонности и мужеству: чистота самаго принципа дѣлаетъ и его какъ-бы ея носителемъ (гр. М. В. Толстой, Н. И. Барсовъ, Бильбасовъ), если исключить, конечно, личныя соображенія тѣхъ же авторовъ.

Съ накопленіемъ матеріала и расширеніемъ изученія данной эпохи, беретъ верхъ болѣе разностороннее изслѣдованіе отдѣльныхъ эпизодовъ и характеровъ дѣйствующихъ лицъ. То, что произошло съ выясненіемъ дѣятельности Волынскаго, должно было имѣть мѣсто и въ настоящемъ случаѣ. Теперь мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи настолько обширный матеріалъ, что нѣтъ основанія опасаться, чтобы новыя данныя могли особенно поколебать наши выводы.

Таинственность эпизода, связаннаго съ именемъ Арсенія Мацѣевича, вызвала къ нему вниманіе въ то время, когда только явилась возможность болѣе свободнаго изслѣдованія вопросовъ въ области новой русской исторіи. До того времени эпизодъ этотъ былъ извѣстенъ въ сочувственномъ Арсенію, но одностороннемъ освѣщеніи масона И. В Лопухина («Чтен. въ Общ. Ист.» 1861; «Зритель» 1862 г.; «День» 1862, № 19)[1]) и митр. Евгенія (Зритель 1862), интересовавшагося дѣятельностью Арсенія въ такой же степени, какъ и судьбою его болѣе счастливаго соратника митрополита то-

1) Здѣсь М. Лонгиновъ перепечаталъ «Описаніе памятника», поставленнаго И. В. Лопухинымъ, напечатанное М. И. Невзоровымъ (масономъ) подъ заглавіемъ «Орлиная пустыня» въ журн. «Другъ юношества и всякихъ лѣтъ» (1814, мартъ, с. 20—26).

больскаго—Павла Конюскевича (судя по отзыву митр. Евгенія, «Чт. въ Общ. Ист.» 1870, кн. II). Впервые внесъ въ это дѣло нѣкоторый свѣтъ—И. А. Чистовичъ, занявшійся имъ, очевидно, вслѣдствіе болѣе близкаго ознакомленія съ событіями церковной исторіи XVIII стол., начиная съ Ѳеофана Прокоповича (напечатано позже). Вслѣдствіе такого отношенія къ дѣлу, у автора установилась опредѣленная точка зрѣнія на событія церковной жизни, вытекавшая изъ его взгляда на реформу Петра В. и стоявшая въ тѣсной связи съ этой послѣдней, и хотя авторъ разсматриваемой нами монографіи говоритъ, что названное изслѣдованіе вызвало «дружный отпоръ въ духовной и свѣтской литературѣ» (стр. IV), но, къ сожалѣнію, онъ не вошелъ въ болѣе подробное изложеніе этого обстоятельства, существованіе котораго далеко не устранило выраженнаго выше мнѣнія, но пожалуй въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже усилило его право на существованіе (статьи оо. Діева и Сулоцкаго, Терновскаго и др., «Чт. въ Общ. Ист.» 1862, 1864; «Чтен. въ Общ. Нестора», «Яросл. Епарх. Вѣд.» 1864, 1868). Названныя статьи внесли вмѣстѣ съ тѣмъ новыя подробности въ біографію Арсенія. Прибавимъ, что дѣло Государственнаго Архива зналъ хорошо и покойный Пекарскій, и потому его небольшая, но продуманная статья въ «Словарѣ», изданномъ учеными и литераторами (т. V, 459—462), появившаяся одновременно (1862) съ нѣкоторыми изъ названныхъ выше, заслуживала бы большаго вниманія (стр. 1). По замѣчанію Морошкина, Пекарскій тщательно просматривалъ это дѣло [1]) и, какъ видно по отмѣткамъ, привелъ его въ порядокъ. Можно было бы еще напомнить незамѣченныя авторомъ статьи по тому же вопросу: архим. Ѳеодора—«Замѣтка по прочтеніи въ «Днѣ» всего, написаннаго объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ» (С. Отеч. 1862, № 80) и въ послѣднее время—Т. И. Филиппова, по поводу двухъ бумагъ, касающихся Арсенія, впрочемъ уже ранѣе напечатанныхъ («Старина и Новизна, VI, Къ вопросу объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, стр. 216—242); не отмѣчаетъ онъ и рѣзкаго сужденія Ростиславова (Опытъ изслѣдованія объ имущ. и доход. нашихъ монастырей, Спб. 1876), который готовъ былъ видѣть въ дѣйствіяхъ Арсенія стремленіе «играть роль русскаго папы» (60), хотя авторъ изслѣдованіемъ этимъ и пользовался.

Въ 1879 г. намъ пришлось обратиться къ тому же вопросу («Рус. Стар.», тт. XXIV, XXV, XXVI, стр. 731—752, 1—34, 577—608, 1—34, 777—797). Въ нашемъ изслѣдованіи представленъ былъ сводъ матеріаловъ, извѣстныхъ въ то время въ литературѣ, какъ въ историческихъ, такъ и мѣстныхъ изданіяхъ, и только въ 1885 г. появились новыя данныя въ трудѣ И. Я. Морошкина. Чистовичъ не воспользовался всѣмъ

1) «Рус. Стар.» 1885, т. XLV, 311—314.

процессомъ Арсенія Мацѣевича, находящимся въ Госуд. архивѣ (2-ое дѣло); Морошкинъ далъ подробное изложеніе его на страницахъ «Русской Старины» (1885, тт. XXV и XXVI) и, кромѣ того, помѣстилъ обстоятельный обзоръ трудовъ, касавшихся жизни и дѣятельности Арсенія, въ «Библіографѣ» (1886, стр. 28—36; 41—48; 57—64)[1]). Къ сожалѣнію, обѣщанное имъ изслѣдованіе объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ («Р. Стар.» XLV, 313—315), съ приложеніями, относящимися къ 1-му и 2-му дѣламъ Арсенія, не появилось. Изъ него были напечатаны только 1-ая и послѣдняя главы въ указанныхъ изданіяхъ. Выполнить эту задачу взялъ на себя теперь свящ. М. С. Поповъ. Предметъ его изслѣдованія — «Жизнеописаніе митр. Ростовскаго Арсенія Мацѣевича», причемъ, однако, «въ основу его должно быть положено громкое дѣло его», по архивнымъ матеріаламъ. Подъ «дѣломъ» же Арсенія авторъ разумѣетъ рядъ процессовъ, къ которымъ онъ былъ причастенъ въ разное время. Матеріалы о нихъ разсѣяны въ разныхъ архивахъ. Въ архивѣ Синода находится первое слѣдственное дѣло объ Арсеніѣ 1763 г. (№ 119), по поводу протеста его противъ отобранія церковныхъ имѣній, и здѣсь же хранятся дѣла коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, учрежденной въ 1762 г. Въ архивѣ архангелогородской губернской канцеляріи имѣется дѣло, относящееся къ началу 2-го процесса (1767), продолженіе котораго (1767—1772) составляетъ «дѣло о разстригѣ Арсеніѣ, іерод. Іоасафѣ и прочихъ», привлеченныхъ къ нему, хранящееся въ Госуд. архивѣ (при мин. ин. дѣлъ), которымъ въ значительной части его воспользовался Морошкинъ въ своихъ статьяхъ. Тутъ же находится рядъ дѣлъ, имѣющихъ связь съ процессомъ Арс. Мацѣевича, которыми пользовался тотъ же изслѣдователь, а именно: 1) дѣло о посадскомъ человѣкѣ Петрѣ Волчковѣ, относящееся къ расколу; 2) доклады и бумаги коллегіи экономіи съ промеморіями Арсенія, писанными въ коллегію, и прошеніями къ импер. Елисаветѣ Петровнѣ; 3) дѣло объ обрѣтеніи мощей св. Димитрія Ростовскаго (1752—57); 4) письма къ импер. Елисаветѣ Петр. и Екатеринѣ II, отчасти неизвѣстныя, а отчасти въ исправномъ видѣ сравнительно съ напечатанными ранѣе и 5) дѣло объ архим. новоторж. Борисоглѣбскаго мон. Ѳеофилактѣ, лишенномъ сана и сосланномъ въ иркутскій монастырь за

1) На стр. 45 И. Я. Морошкинъ дѣлаетъ замѣчаніе о нашемъ выводѣ: «Этотъ взглядъ на Арсенія и мы раздѣляемъ». И далѣе: «В. С. И—въ собралъ въ своемъ очеркѣ все, что было писано объ Арсеніѣ М—чѣ до 1879 г. и его очеркъ объ Арсеніѣ полнѣе и лучше всѣхъ статей о немъ, вышедшихъ до 1879 г.» и пр. Замѣтка эта должна имѣться въ виду при нашихъ замѣчаніяхъ по данному вопросу. Недосмотры въ краткомъ изложеніи Чистовича («День», 1862 г. № 15), отмѣченные отчасти свящ. Поповымъ (213, пр. 1), были указаны раньше Морошкинымъ («Рус. Стар.» XLV, 323, 327; XLVI, 53, 68, 79). Въ свою очередь свящ. Поповъ дѣлаетъ поправки къ статьямъ Морошкина (200, 231, 251), изъ которыхъ объ одной существенной скажемъ ниже. Но авторъ и самъ не избѣжалъ упущеній.

дерзкія рѣчи касательно Арсенія Мацѣевича[1]). Наконецъ въ архивѣ Александро-Невской лавры хранятся дѣла, касающіяся церковнаго вотчиннаго хозяйства во время дѣятельности коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ. Всѣми означенными матеріалами въ указанномъ ихъ объемѣ воспользовался авторъ разсматриваемой книги[2]). Въ предисловіи («Введеніе») имъ данъ обзоръ литературы, имѣющей непосредственное отношеніе къ Арсенію Мацѣевичу и вопросу о церковныхъ имуществахъ, а въ примѣчаніяхъ показаны изслѣдованія и статьи, касающіяся нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ.

Книга автора раздѣляется на *три части*. Въ 1-ой части (11 гл.), озаглавленной: «Духовенство временъ имп-цы Елисаветы Петровны», сообщаются біографическія свѣдѣнія объ Арсеніѣ и его пребываніи въ Тобольскѣ и Ростовѣ въ санѣ митрополита, объ отношеніи его къ раскольникамъ и лютеранамъ (полемика), объ основаніи Ярославской семин., объ открытіи мощей Димитрія Рост., объ отношеніи къ вопросу о церковныхъ вотчинахъ до Петра III включительно (1—88). 2-ая часть, подъ заглавіемъ: «Церковныя имѣнія при имп. Екатеринѣ II и секуляризація ихъ» (9 главъ) заключаетъ въ себѣ очеркъ дѣятельности духовной коммиссіи въ ц. Екатерины II, отношеніе м. Арсенія къ Синоду (доношенія), слѣдствіе и судъ надъ м. Арсеніемъ, закончившіеся секуляризаціей имуществъ (89—182). Въ 3-ей части, озаглавленной: «Дѣло о разстригѣ Арсеніѣ» (8 главъ), авторъ описываетъ пребываніе Арсенія въ Корельскомъ Николаевскомъ мон., 2-ое слѣдственное дѣло съ дополнительнымъ слѣдствіемъ, заточеніе его въ Ревелѣ до кончины Арсенія, въ связи съ народными слухами и памятью о немъ его почитателей (183—264). *Въ приложеніяхъ* къ изслѣдованію помѣщены *доношенія* Арсенія Синоду, ранѣе извѣстныя въ неисправномъ видѣ, по Синод. и Госуд. архивамъ, и высоч. выговоръ архіеп. Амвросію Зертисъ-Каменскому, по Госуд. архиву (I—XXI). Книга снабжена указателемъ собственныхъ именъ и учрежденій (XXIII—XXVIII).

Хотя авторъ изслѣдованія имѣлъ въ виду дать «жизнеописаніе митр. рост. Арсенія Мацѣевича», но тутъ же оговаривается, что въ основу его должно быть положено громкое «дѣло» его, и собственно этому процессу посвящено $^2/_3$ настоящей книги. Быть можетъ вслѣдствіе такого тяготѣнія со стороны автора къ интересу послѣдняго произошли и нѣкоторые пробѣлы въ отдѣльныхъ частяхъ и вопросахъ, связанныхъ съ изслѣдова-

1) Болѣе подробный перечень въ Библіографѣ 1886 г., стр. 64. У свящ. Попова ошибочно показана стр. 25 (см. с. IV).

2) Содержаніе ихъ указано на стр. III—IV, 25—28, 33—40, 72, 85, 87, 88, 91, 93, 97—106, 109, 112, 114, 119, 125, 129, 130, 147, 149, 158, 176, 178, 184, 251—257.

ніемъ о дѣятельности Арсенія Мацѣевича[1]). Не говоря о біографическихъ мелочахъ, прежде всего считаетъ необходимымъ отмѣтить, что имъ недостаточно выясненъ основной характеръ воззрѣній и направленія Арсенія, которыми опредѣлялись всѣ послѣдующіе мотивы его дѣйствій и факты его дѣятельности. Авторъ изслѣдованія даетъ вначалѣ лишь перечень служебныхъ перемѣнъ въ жизни Арсенія до назначенія его митр. тобольскимъ, характеризуемый «быстрой смѣной должностей, мѣстъ и окружающихъ лицъ» (1—7)[2]). Весьма важно указаніе, что Арсеній Мацѣевичъ учился въ Варенжѣ, гдѣ была піарская школа, а затѣмъ въ Кіевской академіи, еще сохранявшей всѣ черты іезуитскихъ коллегій, а іезуитскія и піарскія школы въ XVII в. по существу принадлежали къ одному типу и имѣли даже генетическое сродство, такъ какъ піарскія школы весьма многое заимствовали у іезуитскихъ коллегій[3]). Между тѣмъ въ началѣ XVIII в. въ Кіевской академіи оставилъ слѣдъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, возставшій противъ схоластическаго метода изученія богословія и философіи, противъ Ѳомы Аквинскаго и Скотта, которые господствовали въ Кіевской академіи и были занесены ея учениками въ сѣверную Россію[4]). Какъ извѣстно, Ѳеофанъ Прокоповичъ предпочиталъ уже историческій методъ протестантскихъ ученыхъ. И переходъ въ Московской академіи отъ схоластическихъ

---

1) Задавшись біографическими цѣлями, автору слѣдовало войти въ болѣе подробное изслѣдованіе частныхъ вопросовъ. Такъ, выраженіе «польской націи» не всегда означало польское происхожденіе, а лишь уроженца польскаго края. Даже раскольники, родившіеся въ Малороссіи и Польшѣ, назывались «малороссіянцами» и людьми «польской націи» (Лилеевъ, Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ, стр. 31, 311, 374). Вопросъ объ уніи также могъ играть здѣсь извѣстную роль. Поэтому шляхетство Мацѣевича могло быть такимъ же, какъ Стефана Яворскаго (Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 387). О томъ, какъ происходили эти превращенія свидѣтельствуетъ и самъ Арсеній Мацѣевичъ (ibid. 387—388).

2) Арсеній Мацѣевичъ во время пребыванія въ Кіевской академіи и затѣмъ въ качествѣ проповѣдника при Соф. соборѣ пользовался наставничествомъ и близостью тѣхъ лицъ, которыя оказывали потомъ ему покровительство, какъ Антоній Стаховскій (архіеп. черниговскій и митр. сибирскій), Германъ Концевичъ (съ 1731—35 — архіеп. арханг.), Амвросій Юшкевичъ, еп. волог., затѣмъ архіеп. новгор. и предсѣдательств. въ Синодѣ. (Аскоченскій, I, 251, 314; II, 58; Акты и Документы, относ. къ исторіи Кіевской академіи, Отд. II, I, ч. II, см. по указателю). Антоній Стаховскій приблизилъ его въ Черниговѣ и вызвалъ въ Тобольскъ, Германъ Концевичъ (во время странствованія Арсенія по сѣверу Россіи) рекомендовалъ его въ морскую экспедицію, Амвросій облегчилъ его дальнѣйшіе шаги на администр. поприщѣ. Въ 1737 г., на пути изъ Архангельска въ Петербургъ, Арсеній посѣтилъ Амвросія въ Вологдѣ (Волог. Еп. Вѣд. 1867 г., № 13, с. 493).

3) Н. П. Петровъ, Кіевская Академія во 2-ой половинѣ XVII в., К. 1895, стр. 66—67. Многіе ученики Кіев. академіи въ XVII в. отправлялись учиться за границу отъ предѣловъ Польши и до Рима включительно (31, 60, 62, 73, 119). Объ учебникахъ Варенж. школы (Опис. рук. собр. въ Кіевѣ, II, № 94).

4) Петровъ, 53—54, 55—56, 63, 65. Съ 1770—1805 г. издавались въ Кіевѣ курсы Ѳ. Прокоповича; но въ философіи все еще держались схоластич. авторитетовъ (Ист. Кіев. акад. Макарія Булгакова, с. 124—171).

курсовъ Θеофилакта «къ свѣтлому изложенію науки по руководству Θеофана» привѣтствуется, какъ важный успѣхъ въ преподаваніи[1]). Напротивъ, лекціи антагониста Θеофана — Стефана Яворскаго велись въ противоположномъ направленіи и богословскіе курсы его были построены по плану Θомы и постоянно сопровождались полемическими пріемами[2]). Симпатіи Арсенія Мацѣевича склонялись именно въ эту сторону, и если онъ впослѣдствіи является такимъ защитникомъ мнѣній Θеофилакта Лопатинскаго, то, конечно, остается только вѣрнымъ тѣмъ началамъ, которыя были заложены въ образованіе его характера самой школой; а въ XVIII стол. борьба церковныхъ мнѣній въ сущности была борьбой этихъ двухъ направленій. Всѣ питомцы южно-русской школы были несомнѣнно цѣнителями церковнаго просвѣщенія, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ любовь къ книгамъ и ихъ библіотеки. Арсеній Мацѣевичъ также любилъ чтеніе. Въ его дѣлѣ значится, что ему посланы были въ ссылку книги, числомъ 339. Онъ интересовался и газетами, которыми его снабжали въ ссылкѣ[3]). Онъ отличался начитанностью въ русской исторической (лѣтописи, хронографы, Степен. книга, лѣт. ростов. архіер., лѣтопис. повѣств. Игнатія митр. тобольск.) и полемической литературѣ, въ интересахъ которой онъ знакомился съ Кораномъ и съ Талмудомъ, и не прочь былъ щегольнуть «естествословцами». Библіотека его состояла изъ русскихъ, польскихъ, чешскихъ и латинскихъ книгъ[4]) но среди нихъ преобладали неизмѣнные Беллярминъ, Фляцій, Бароній[5]), Бингамъ (церк. древн.), Стрыйковскій и т. п. Исключеніе составляетъ нѣмецкій мистикъ Іог. Арндтъ († 1621), авторъ многоизвѣстнаго соч. «Объ истинномъ христіанствѣ», которое, послѣ средневѣковаго «По-

1) Смирновъ, Ист. Моск. акад. I, 153—154.

2) Чистовичъ, Θеофанъ Прокоповичъ, 5—37; Петровъ, 44—79; Морозовъ, Θеоф. Прокоповичъ, гл. 3-я.

3) Поповъ, 151, 194. Полемическія его сочиненія поражаютъ обиліемъ ссылокъ и именъ авторовъ (Правосл. Соб. 1861, III, 392—393).

4) Ibid., 151. Греческаго языка онъ не зналъ (Изв. И. Ак. Н. 1906, III, с. 194). Библіотека его поступила въ Яросл. духов. семинарію. Авторъ думаетъ, что ссылка на Агриппу (О суетѣ наукъ) — на древняго писателя, но это Агриппа Неттесгеймскій († 1535), сочиненіе котораго вышло въ Кёльнѣ въ 1527 г. и выдержало при жизни автора 7 изд.; онъ писалъ и по магіи. Однако не значитъ, что Арсеній пренебрегалъ древними писателями: онъ ссылается на Плинія, на анекдотъ объ Эсхилѣ, съ чужихъ словъ (см. наше изслѣд., Р. Стар. 1879, XXV, 17—20), заимствуя изъ книжицы «Иѳика Іерополитика», которую онъ иногда цитируетъ въ своихъ проповѣдяхъ (Яросл. Еп. Вѣд. 1864; № 48, с. 475). Это «Иѳика Іерополитика, или философія нравоучительная, символами и приуподобленіи изъясненна къ наставленію и пользѣ юнымъ. Составися благословеніемъ всечестнаго господина Отца Аѳанасія Мяславскаго, архимандрита печерскаго, тщаніемъ и трудами братіи». Первое изд. въ печерской лаврѣ 1712, 12°. Съ 67-ю гравюрами; 4-ое Спб. 1764 (Пекарскій, Литер. и наука Сопиковъ, Смирдинъ, Геннади).

5) Въ соч. Баронія много примѣровъ изъ исторіи, направленныхъ противъ свѣтскихъ правителей (Чистовичъ, Θеофанъ Прокоповичъ, стр. 677—678).

дражанія Христу» Ѳомы Кемпійскаго, едва ли имѣло себѣ соперниковъ. Оно встрѣтило сочувствіе не только среди протестантовъ, но и католиковъ, за свое нравственное ученіе, и переведено было на русскій языкъ за границею, по заказу Ѳеофана Прокоповича, Симономъ Тодорскимъ; но въ Россіи оно не пользовалось покровительствомъ и одно время преслѣдовалось [1]). Арсеній Мацѣевичъ читалъ и ссылался иногда на него [2]); но чувства Арсенія склонялись не къ нему, когда дѣло шло о примѣненіи христіанскихъ истинъ: тутъ въ отношеніи противниковъ преимущество отдавалось Іосифу Волоцкому, «Камню вѣры» и «Возраженію на Молотокъ на камень вѣры» (Поповъ, 4) [3]); а противниками этими были многочисленные инородцы, обращенные въ христіанство, но не оставлявшіе своихъ языческихъ вѣрованій, раскольники и собственно еретики, которыми полны были Тобольская и Ростовская епархіи. Въ этомъ отношеніи характеръ Арсенія Мацѣевича проявляется во всей своей неприкосновенности.

II.

Но прежде, чѣмъ мы обратимся къ этой сторонѣ вопроса, необходимо выяснить міросозерцаніе Арсенія, которое служило руководящимъ началомъ въ его дѣятельности. Къ сожалѣнію авторъ, идя чисто біографическимъ путемъ [4]), не считалъ нужнымъ войти въ болѣе обстоятельное изслѣдованіе обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложился характеръ Арсенія. Послѣдній былъ безусловнымъ защитникомъ монашества, выходя изъ положенія, что и самъ Христосъ былъ первѣйшій монахъ, а Богородица являла, по его представленію, образецъ монашества, причемъ

---

1) Библ. Зап. 1861, III, 36; Чистовичъ, Ѳ. Прокоповичъ, 583; Сухомлиновъ, Ист. Рос. Акад., I, 63—64; Рус. Стар. 1875, XIV, 467—468; Хр. Чт. 1881, №№ 11—12. Пер. С. Тодорскаго былъ изд. въ Галле въ 1735 г. Пер. Ив. Тургенева изд. въ Москвѣ въ 1784 г., въ типогр. Ив. Лопухина, въ 5 томахъ; тоже вторично 1800—1801; новый перев. М. 1833—35, въ 4 т., съ портретомъ; тоже вторично въ 4 т., Спб. 1875 г.

2) Поповъ, 36, 127, 203.

3) Покровители Арсенія были сторонниками «Камня вѣры». Антоній предполагалъ напечатать его въ Черниговѣ (Акты Акад., II, стр. 359). Арсеній и въ Академіи, и подъ ближайшимъ руководствомъ Антонія долженъ былъ проникнуться уваженіемъ къ этому памятнику. «Камень вѣры» былъ изданъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ въ Москвѣ въ 1728 г. (Смирновъ, Ист. Моск. Слав. грек. латин. акад., I, 195).

4) Тѣмъ не менѣе, онъ не постарался выяснить такихъ обстоятельствъ, какъ преподаваніе Арсенія въ кадет. корпусѣ и адмиралт. вѣдомствѣ (рѣчь могла идти только объ ученикахъ, посѣщавшихъ акад. классы — см. Ист. кад. корп. и Морск. кад. корп. Висковатова и Веселаго; но важно было бы сдѣлать архивную справку). Въ Опис. Арх. морск. мин. (т. IV и VI) есть указанія о морск. экспедиціи, а г. А. Львовъ сообщилъ свѣдѣнія объ участіи въ ней Арсенія по Синод. арх. (Р. Арх., 1895, № 6, с. 244—247). Въ 1737 г. предполагалось послать его въ качествѣ священника въ Лондонъ, но извѣстное дѣло по экспедиціи помѣшало тому (ib. 236).

онъ ссылается на приведенное выше соч. Бингама[1]). Согласно точкѣ зрѣнія Іосифа Волоцкаго, Арсеній полагалъ, что монашество создано въ интересахъ церковной іерархіи, а потому и матеріальное обезпеченіе его необходимо въ тѣхъ же интересахъ церкви. Поступая иначе, свѣтская власть идетъ по стопамъ «законопреступнаго царя Іуліана», посягаетъ на «свободу церкви» (Поповъ, 71, 127) — мысль, которую постоянно отстаивали тѣ члены высшей іерархіи, которые вышли изъ южныхъ школъ, твердо поддерживая другъ друга и свои мнѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они были защитниками патріаршества, противниками Духовнаго регламента и вмѣшательства свѣтской власти въ церковныя дѣла, и борьба въ средѣ іерархіи XVIII в. велась всецѣло на этой почвѣ[2]). Арсеній Мацѣевичъ принадлежалъ къ этой партіи. Разница между ними была лишь въ степени энергіи и способѣ дѣйствій. Любовь къ книжности и начитанность у Арсенія не подлежитъ сомнѣнію: объ этомъ свидѣтельствуютъ цитаты въ его сочиненіяхъ (36, 38, 39) и количество его проповѣдей[3]) (217, въ 12 томахъ, не считая полемическихъ произведеній), что́ выдвигаетъ его даже среди его южно-русскихъ коллегъ, но качество этихъ трудовъ далеко уступаетъ ихъ количеству. Можно было думать, что авторъ разсматриваемаго изслѣдованія, какъ богословъ, войдетъ въ болѣе близкую оцѣнку послѣднихъ, въ интересахъ выясненія изучаемаго дѣятеля, у котораго, можно сказать, слово и дѣло шли рядомъ. Но онъ ограничивается лишь внѣшними характеристиками: онъ говоритъ о жесткости и рѣзкости сужденій (27, 36), объ однообразіи пріемовъ и т. п., которыя, по его мнѣнію, не говорятъ еще объ односторонности таланта Арсенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой борьбѣ у послѣдняго вырабатывалось и крѣпло сознаніе іерарха, чуждающагося фанатическаго стоянія за старое, но и не увлекающагося новыми неправославными вѣяніями западныхъ идей (40). Преосв. Филаретъ сдѣлалъ общее заключеніе: «Поученія Арсенія очень длинны (они для произнесенія раздѣлялись иногда на 2—3 дня). Оригинальнаго въ нихъ мало. Они наполнены выписками изъ твореній отцовъ и учителей церкви. Изъ нихъ видно обширное знакомство Арсенія съ древнею церковною литературою»[4]). По-

1) См. Чистовичъ, 398; замѣчаніе Ѳеофана Прокоповича (ib., 621). Въ другомъ мѣстѣ ссылка сдѣлана на Іоанна Фунгера (Поповъ, 39).

2) См. наше изслѣд. объ Арсеніи Мацѣевичѣ (Рус. Стар., XXV, 21—22). Мнѣніе самого Арсенія (Поповъ, 34—35).

3) Нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ 20 листовъ. Арсеній произносилъ ихъ не только въ городахъ (Москвѣ, Ярославлѣ, Ростовѣ, Угличѣ), но и въ селахъ. Онъ говорилъ ихъ иногда 13—20 въ годъ, въ теченіе 1746—1761 гг.

4) Обз. рус. дух. литер., 345. Благодаря этимъ качествамъ, у современниковъ Арсенія составилось мнѣніе о немъ, какъ о «человѣкѣ ученомъ». Н. И. Новиковъ, Опытъ ист. словаря о россійскихъ писателяхъ, 1772 (Ефремовъ, Матер. для ист. рус. литер. Спб. 1867 г., стр. 12).

нятно, что послѣдній имѣлъ въ виду преимущественно раскольниковъ; но преимущество его, какъ проповѣдника, кажущееся. Полагаютъ, что самыя выписки его изъ разныхъ писателей (отчасти см. выше) имѣютъ источникъ въ какой нибудь «латинской конкордаціи, гдѣ собраны были всѣ параллельныя изученія и толкованія». Быть можетъ нѣкоторыя изъ его поученій даже не имъ составлены, а написаны подъ его руководствомъ и редакціей. Пріемы его прежніе — схоластическіе, благодаря которымъ любили занимать слушателей анекдотами изъ гражданской и церковной исторіи, апокрифовъ и средневѣковыхъ бестіаріевъ. Сравнивая его съ Стефаномъ Яворскимъ, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, Димитріемъ Ростовскимъ, отмѣчаютъ, что у него нѣтъ указаній ни на одно политическое событіе, ни на одну правительственную реформу. Заявивъ протестъ противъ одного изъ важныхъ правительственныхъ распоряженій (отобранія церк. имуществъ), онъ по всѣмъ другимъ общественнымъ явленіямъ вѣка остался совершенно безучастнымъ. Вѣроученіе его вращается въ сферѣ отеческихъ толкованій и сухой схоластической отвлеченности. Въ отношеніи же своей полемики съ расколомъ онъ не можетъ идти въ сравненіе съ Димитріемъ Ростовскимъ [1]).

Другой авторъ, близко стоящій къ церковнымъ вопросамъ, подробно разсматриваетъ «Дополненіе» Арсенія къ обличенію Ѳеофилакта Лопатинскаго и находитъ, что оно гораздо ниже, по своимъ качествамъ этого послѣдняго. По объему оно опять обширно, а по содержанію — бѣдно и блѣдно, хуже въ сравненіи съ «Обличеніемъ», которое Арсеній думалъ пополнить... Вмѣсто доказательствъ и соображеній, которыя опровергали бы раскольническія заблужденія, авторъ «Дополненія» ограничивается насмѣшливыми сравненіями, оскорбительными эпитетами и уподобленіями раскольниковъ [2]). Въ полемическомъ увлеченіи онъ приписываетъ противникамъ (выговцамъ), мысли, какихъ у нихъ не было и не могло быть. Авторъ «разбора» склоненъ назвать описаніе жизни выговцевъ у Арсенія прямо памфлетомъ. И вмѣсто внесенія въ борьбу съ расколомъ духа мира и любви, онъ бралъ на себя смѣлость подстрекать гражданскую власть къ принятію и поддержкѣ враждебныхъ и карательныхъ мѣръ противъ заблуждающихся и безъ того возбужденныхъ единовѣрцевъ, тѣмъ болѣе,

---

1) См. Арсеній Мацѣевичъ, какъ проповѣдникъ, Н. К-ва (Яросл. Еп. Вѣд. 1864, особенно № 52, стр. 500—510). Ему не хватаетъ даже юмора послѣдняго.

2) «Отличительный пріемъ его полемики съ раскольниками, преимущественно ему свойственный — это сравненіе и примѣръ». (Прав. Соб., 1861, III, 376).

Двуперстіе онъ неоднократно называетъ армянскимъ кукишемъ, а два перста въ двуперстіи — двумя козлиными рогами — въ этомъ отношеніи ему принадлежитъ право на первенство. Въ другихъ случаяхъ онъ пользуется уподобленіями «Жезла Правленія» и «Пращицы».

что правительству не угрожала тогда опасность отъ раскольниковъ. Подборъ ссылокъ у автора «Дополненія» крайне искусственъ, а эрудиція, по сравненію съ обличеніями Θеофилакта, не широкая. «Если значеніе «Обличенія» Θеофилакта могло ослабляться рѣзкостью тона, то о значеніи «Дополненія» м. Арсенія въ смыслѣ благотворнаго воздѣйствія на раскольниковъ нельзя и говорить, не впадая въ противорѣчіе съ обычными здравыми требованіями»[1]). Отсюда очевидно, что нельзя говорить о «новой дорогѣ» въ обличительной литературѣ, на которой настаиваетъ свящ. Поповъ (с. 26). Въ противоположность послѣднему, авторъ названнаго выше изслѣдованія отдаетъ преимущество соч. Θеофилакта по содержанію, послѣдовательности мысли, по изложенію и самому языку[2]). Θеофилактъ, по своей школѣ, все-таки былъ ученый богословъ[3]), что и сказывалось въ его трудѣ. «Дополненіе» Арсенія, по объему обширное, не представляетъ чего либо особеннаго, въ смыслѣ достойнаго продолженія «Обличенія» Θеофилакта. Мало этого. Встрѣчающіяся здравыя сужденія, не отличаясь ни новизною, ни оригинальностью, являются скорѣе плодомъ чтенія «Обличенія» Θеофилакта, чѣмъ самостоятельнаго изученія раскола»[4]).

Гораздо справедливѣе судитъ авторъ изслѣдованія о другомъ богословскомъ трактатѣ Арсенія, вызванномъ защитой «Камня вѣры» Стефана Яворскаго отъ нападокъ противниковъ (стр. 33—40) — о «Возраженіи на Молотокъ на Камень вѣры»[5]); но здѣсь онъ именно говоритъ: «Сила убѣдительности теряется, однако, отъ внѣшнихъ пріемовъ и отъ раздражительнаго тона, которымъ проникнуто все «Возраженіе» (36)[6]); между тѣмъ, сказавъ, что Арсеній одновременно велъ борьбу съ разными врагами православія: «и съ фанатизмомъ раскольниковъ, и съ раціоналистическою

---

1) Свящ. А. Синайскій, Отн. рус. церковн. власти къ раск. старообрядцевъ при Петрѣ Вел. Спб. 1895, стр. 137—158.

Авторъ изслѣдованія объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ не имѣлъ въ виду этого сочиненія по вопросу, близко его касающемуся. Между тѣмъ дальнѣйшая судьба «Дополненія» Арсенія обстоятельнѣе разсказана здѣсь, нежели у о. Попова, хотя оба они пользовались однимъ дѣломъ. На стр. 26 и 28, прим. 1—Поповъ указываетъ, что начало «Дополненія», напеч. въ «Опис. докум. св. Синода, т. I, стр. 485» (слѣдуетъ сказать: и прилож. XXXVII, стр. CCCCXVIII—XXXVI); но не упоминаетъ объ окончаніи его (т. III, стр. 665—666 — объясн. о находкѣ полнаго экз. «Дополненія» и о напеч. оконч. въ прилож. къ нему, № LVIII, стр. CCLXXXVII—CDII). Если бы авторъ познакомился съ названнымъ выше сочиненіемъ, то замѣтилъ бы, что «Дополненіе» напечатано было вполнѣ.

2) Синайскій, 136—154.

3) Смирновъ (Ист. Моск. акад., I, 194—196); Чистовичъ. (Θеофанъ Прокоповичъ, 671); статьи въ Прав. Обозр. 1860, №№ 9, 12; 1862, №№ 2 и 4.

4) Синайскій, 156. На Арсенія же было возложено (1740) исправленіе церк. службы за полтав. побѣду того же Θеофилакта (Пекарскій, Литература и наука, II, 202).

5) Подроб. извлеченіе у Чистовича (Θеоф. Прокоповичъ, с. 386—404). Авторъ пользовался и рукописнымъ «Возраженіемъ» въ собр. И. П. библ. (Fol. I, № 191).

6) Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Пусть же по твоей вѣрѣ тебѣ такъ и будетъ: «онѣмѣй и совсѣмъ околѣй, ч..... съ тобой» и пр. (37).

пропагандою лютеранства», авторъ замѣчаетъ, что хотя тѣ и другіе *полемическіе его трактаты однообразны въ основныхъ положеніяхъ и детальныхъ пріемахъ, техникѣ и доказательствахъ*, но это не говоритъ еще *объ односторонности его таланта*, и заключаетъ приведеннымъ выше мѣстомъ о благоразумномъ отношеніи Арсенія къ старому и новому направленію въ современной жизни (40).

Мы думаемъ, что такой панегирикъ въ пользу Арсенія не выдерживаетъ самаго скромнаго требованія объективнаго изученія его дѣятельности. Своей склонности къ «новшествамъ» (см. выше) Арсеній нигдѣ не обнаружилъ, а стояніе за старое онъ считалъ своей прерогативой и твердо стоялъ на этомъ. Въ этомъ и заключается цѣльность и твердость его натуры, которыя не измѣнили ему и въ моментъ опасности. На склонность къ «вѣяніямъ» западныхъ идей онъ и не претендовалъ. Онъ не былъ сторонникомъ широкихъ требованій науки, хотя бы въ примѣненіи къ интересамъ духовной школы.

III.

Со всей наглядностью обнаружилось это въ отношеніяхъ Арсенія къ латинскимъ школамъ (семинаріямъ), основаннымъ его предшественниками въ Тобольскѣ — митр. Антоніемъ Стаховскимъ (выходцемъ изъ Кіевской академіи) и въ Ростовѣ — архіеп. Іоакимомъ (родомъ суздалецъ), [1]) подъ предлогомъ недостатка средствъ и отсутствія необходимости болѣе высокаго образованія для духовенства, для котораго онъ считалъ достаточнымъ одну грамотность. Въ то время, какъ ученики Кіевской академіи, восходившіе на епископскія каѳедры въ сѣвер. Россіи, ознаменовали себя вездѣ открытіемъ семинарій, Арсеній Мацѣевичъ обнаружилъ враждебность къ нимъ. Онъ считалъ достаточнымъ для своихъ епархій славяно-русскія и миссіонерскія школы. Любопытно, что Синодъ не согласился съ представленіемъ Арсенія о замѣнѣ въ Тобольскѣ семинаріи простой школой; но Арсеній пробылъ здѣсь недолго, а его преемникъ митр. Антоній Нарожницкій (также ученикъ Кіевской академіи) даже расширилъ преподаваніе, выписавъ изъ Кіева четырехъ учителей и открывъ систематическое преподаваніе въ ней [2]). Во время же пребыванія Арсенія въ Ростовѣ дѣло «о закрытіи» получаетъ свою исторію. Здѣсь онъ успѣлъ распустить бывшую лат. школу (1743). Это вызвало неудовольствіе и протестъ, поданный въ Синодъ отстав. солдатомъ Преображенскаго полка Дем. Лигинымъ, который

1) А. Титовъ, Лѣтопись о ростов. архіереяхъ, прибавл., 40.

2) Знаменскій, Духовн. школы въ Россіи до 1808 г., стр. 181; Арсеній Мацѣевичъ на тобольск. и ростов. каѳедрахъ, С. Троицкаго (Р. Арх. 1905, № 10, стр. 166, 169); Н. И. Петровъ, Акты и докум. Кіев. Духовн. академіи, отд. II, т. I, ч. II (стр. 367—368).

объяснялъ дѣйствія Арсенія вліяніемъ архидіакона Іоанникія, руководившагося «бездѣльной своей корыстью» и, какъ видно, имѣлъ на то основаніе, такъ какъ Арсеній опять ссылался на недостатокъ средствъ и отстаивалъ въ настоящемъ случаѣ интересы монастырей. Возникла, по обыкновенію переписка, въ которой Синодъ снова настаивалъ на открытіи семинаріи и указывалъ на успѣшное дѣйствіе ихъ въ Твери, Суздалѣ, Вологдѣ, Н. Новгородѣ, Коломнѣ, Вяткѣ, которые не имѣютъ и третьей части доходовъ, какими обладаетъ Ростовская епархія, не говоря уже о Псковской и Архангельской епархіяхъ, гдѣ нѣтъ такаго количества церквей, а слѣдовательно и доходовъ, но гдѣ, по словамъ Синода, «доброе усердіе и ревность къ полезнымъ церкви святой и государству наукамъ видима есть.... и такія въ томъ маломъ числѣ церквей епархіи въ содержаніи семинарій никакого отрицанія отнюдь не имѣютъ, и не только не отрицаютъ, но еще пастыри оныхъ, какъ безсомнительно есть, и изъ келейнаго своего иждивенія учителей по возможности снабдѣваютъ». Послѣ подобнаго внушенія, пришлось Арсенію покориться, тѣмъ болѣе, что его милостивца (Амвросій Юшкевичъ † 17 мая 1745 г.) въ Синодѣ уже не было (указъ отъ 11 сент. 1745 г.). Вновь семинарія была открыта въ 1747 г. въ Ярославлѣ, т. е. не въ мѣстѣ пребыванія Арсенія, а въ Ростовѣ по прежнему осталась лишь школа; но и дальнѣйшая судьба семинаріи представляется въ неприглядномъ видѣ. Выборъ ректоровъ былъ крайне неудаченъ, что̀ опять вызвало вмѣшательство Синода; продолжались столкновенія съ монастырскими властями изъ-за содержанія (она помѣщалась въ Спасо-Яросл. мон., владѣвшемъ 14,000 душъ крестьянъ), которыя находили поддержку въ Арсеніѣ; отношенія же послѣдняго къ учителямъ и ученикамъ отличались не только суровостью, но даже жестокостью, отчего обнаружились многочисленные ихъ побѣги сравнительно съ другими семинаріями. Огульное замѣчаніе, что Арсеній будто-бы занимался съ учениками семинаріи богословіемъ также лишено основанія, такъ какъ онъ не жилъ въ Ярославлѣ и можетъ быть понимаемо развѣ въ томъ смыслѣ, что Арсеній, пріѣзжая иногда въ Ярославль, бесѣдовалъ съ ними, преемникъ же его Аѳанасій Вольховскій призналъ, что семинарія при бывш. митр. Арсеніѣ была «весьма упущена»[1]). Такимъ образомъ Арсеній принялся за «новое дѣло» съ свойственной ему энергіей только не «для созиданія», какъ думаетъ о. Поповъ (41), а для разрушенія лучшаго стараго[2]). Напрасно авторъ изслѣдованія ограничился незначи-

1) Знаменскій 360 и д.; наше изслѣд. (Р. Стар. XXV, 25); С. Троицкій (Р. Арх. 1905, № 10 с. 170—194); Яросл. Епарх. Вѣд. 1872, 1884 (№№ 34 и 35), 1894, №№ 42—44, 1895 (№№ 22, 24, 25, 26).

2) Также понимается дѣятельность Арсенія въ Тобольскѣ и Ростовѣ относительно дух. просвѣщенія и въ недавно изд. «Актахъ и документахъ Кіев. дух. академіи» (отд. II, т. I, ч. 2, стр. 345—346, 365—368).

тельнымъ замѣчаніемъ объ этой сторонѣ дѣятельности Арсенія. По этому вопросу онъ нашелъ бы данныя въ томъ же архивѣ Синода, въ которомъ онъ занимался, если не хотѣлъ или не могъ обратиться къ мѣстнымъ источникамъ.

Преподаваніе въ семинаріи при Арсеніѣ было низведено къ элементарнымъ требованіямъ, быть можетъ съ практической точки зрѣнія и болѣе необходимымъ для сельскаго духовенства; но въ этомъ ясно выразилось нерасположеніе Арсенія къ мнѣніямъ о школѣ Дух. регламента, которыя онъ толковалъ по своему. Для разумѣнія читаемаго, по его мнѣнію, достаточно было изучить только катехизисъ Петра Могилы, ибо, по Еккле-сіасту, «во множествѣ мудрости множество разума, а приложивый разумъ приложитъ болѣзнь» [1]). Онъ полагалъ, что и Библія у насъ не особенно нужна. Ученый — будетъ читать погречески и полатыни, по которымъ, для поученія народа, россійскую, какая ни есть, будетъ исправлять. Для простаго же народа достаточно и того, что имѣется въ церковныхъ книгахъ [2]). Въ такомъ духѣ велъ полемику по этому предмету Арсеній въ своемъ «Возраженіи» противъ автора извѣстнаго «лютеранскаго пасквиля», изд. подъ именемъ «Молотокъ на камень вѣры». Дѣлая оцѣнку этой полемики, изслѣдователь замѣчаетъ: «Возраженія были выраженіемъ только той части его (общества), которая пассивно шла по избитой тропѣ жизни и возмущалась всякими нарушеніями ея покоя, какъ бы оно ни было законно въ виду дальнѣйшаго развитія народа» [3]). Димитрій Ростовскій, напротивъ, жаловался въ письмѣ къ Стефану Яворскому (1707 г.) на нераспространенность Библіи и малоизвѣстность ея среди духовнаго чина и съ цѣлью помочь дѣлу предпринялъ свой (келейный) Лѣтописецъ, куда должны были войти необходимыя извлеченія изъ Библіи [4]). П. В. Знаменскій по этому поводу замѣчаетъ, что Арсеній Мацѣевичъ выдавался по исключительности своего мнѣнія среди образованныхъ архіереевъ-малороссовъ, другіе же дѣйствовали совсѣмъ иначе [5]). Требованія новаго правительства, расширить кругъ преподаванія въ семинаріяхъ свѣтскихъ наукъ, встрѣтило неодобреніе въ средѣ, сочувственной Арсенію, и его задушевный корреспондентъ писалъ (1763 г.) по этому поводу такъ: «Мудріи наши попы и причетники будутъ, *только опасно*, чтобъ за математикою и астрономіею и тѣмъ мудрованіемъ въ собственной невѣждами не остались, *а паче отъ оныхъ не заняли бы въ голову. Я вашего держуся мнѣнія*... А то де наипаче затѣ-

1) Чт. въ Общ. ист. 1863, кн. II, 40—44.
2) Чистовичъ, 403, 407.
3) Ibidem. 407.
4) Евгеній, Словарь дух. чина (I, 127—128).
5) Духов. школы, 463, 465—467.

ваемъ странное оное ученіе»[1]). Другой единомышленникъ Арсенія—Амвросій Зертисъ-Каменскій неодобрительно относился къ новой философіи[2]). Когда же на просмотръ Амвросія былъ отданъ переводъ Поповскаго соч. Попа «Опытъ о человѣкѣ», то онъ позаботился, чтобы въ переводѣ ничего не осталось «о множествѣ міровъ Коперниковой системы и натурализму склоннаго»[3]). Понятно, что Арсеній Мацѣевичъ не могъ, подобно Ѳеофану, написать гимна противъ папы, обращеннаго къ Галилею[4]).

Къ сожалѣнію авторъ не вошелъ въ ближайшее разсмотрѣніе взглядовъ Арсенія на духовное просвѣщеніе[5]), и ограничился главнымъ образомъ передачей дѣла архим. Владиміра Каллиграфа (41—46), о которомъ скажемъ ниже[6]).

IV.

Какъ извѣстно, Арсеній имѣлъ особенное расположеніе къ памяти одного изъ своихъ предшественниковъ — Димитрія Ростовскаго; съ его именемъ соединяются заботы о канонизаціи этого послѣдняго. Въ настоящемъ случаѣ автору слѣдовало бы сопоставить эту заботливость Арсенія съ тѣми мнѣніями объ отношеніи власти къ духовенству и въ особенности къ крайне обостренному тогда вопросу о церковныхъ имуществахъ, горячимъ, хотя и не столь открытымъ, защитникомъ которыхъ былъ Димитрій Ростовскій, проводившій свой взглядъ и въ сочиненіяхъ, и въ проповѣдяхъ, и въ келейномъ Лѣтописцѣ, обставивъ его обширными выписками изъ разныхъ писателей на эту тему (у него было въ 2-хъ экз. соч. «О свободѣ св. церкве» 1505 г.[7]), которымъ (лѣт.) очевидно пользовался и Арсеній Мацѣе-

1) День, 1864, № 39, стр. 8.

2) Р. Арх. 1875, № 11, с. 312.

3) Р. Арх. 1872, с. 1311—1322.

Впослѣдствіи (1763) Амвросій возражалъ противъ того, что «на насъ возложили, дабы мы архіереи всякія науки содержали и снабдѣвали, т. е. философскія, богословскія, математическія и астрономическія».

4) Терновскій (Тр. Кіев. акад. 1869, III: Имп. Петръ I въ его отношеніи къ католичеству и протестантству).

5) Мимоходомъ авторъ говоритъ о томъ же на стр. 108 и 126.

6) Это былъ одинъ изъ ректоровъ семин., навязанныхъ Арсенію Синодомъ. Сюда же былъ назначенъ потомъ архим. Тихонъ Якубовскій, посланный затѣмъ въ Кенигсбергъ, который оттуда сносился съ Арсеніемъ относительно права пользоваться нѣкоторыми архіер. отличіями (Р. Арх. 1894, № 29, с. 8—12). Поэтому имя Арсенія поминалось на богослуженіи въ Кенигсбергѣ (ср. Р. Стар. 1893, № 9, с. 615—619).

7) См. сводъ этихъ мѣстъ у И. А. Шляпкина (св. Димитрій Ростовскій, 428—430). Любопытно, что въ Лѣтописцѣ, впервые напеч. въ 1784 г. мѣсто это было выпущено. Оно напеч. гр. М. В. Толстымъ (Чтен. въ Общ. ист. 1862, II, с. 40—44, по рукоп. Моск. дух. акад., № 71, листы 136—137). Въ 1766 г. была запрещена книга Иннок. Гизеля также по поводу мнѣнія о церк. имуществахъ (Книговѣдъ 1895, № 2, с. 43—44).

вичъ (см. выше) [1]). Но была и другая сторона въ этомъ дѣлѣ: Димитрій Ростовскій велъ борьбу съ расколомъ и потому святость его являлась однимъ изъ очевидныхъ доказательствъ противъ ихъ неправоты: такъ понималъ повидимому это и самъ Арсеній. Вотъ почему, когда Синодъ обезпокоился распространеніемъ въ народѣ «тетрадокъ о чудесахъ» св. Димитрія Ростовскаго и требовалъ запретить ихъ списывать, то Арсеній отвѣчалъ, что онъ приметъ мѣры, однако, по его мнѣнію «строго о томъ настоять и запрещать не должно, чтобы раскольники и наипаче хулить св. чудотворца не стали» [2]). Опасенія его имѣли свое основаніе. Въ 1763 г., по поводу посѣщенія Ростова, Екатерина писала Панину: «Завтра будетъ перенесеніе мощей св. Димитрія..., а преосв. Сѣченовъ хочетъ запечатать раку, *дабы мощей не украли*; однако я просила, дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣкоторое время снаружи» [3]). Въ запискахъ же кн. С. М. Голицына встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ. Когда открыли мощи Димитрія Ростовскаго, то раскольники, не признавая его за святаго, подослали поставить свѣчу къ мощамъ, начиненную порохомъ. Случайно это было открыто [4]). Въ другомъ видѣ передаетъ это извѣстіе оффиціальное дѣло, если то не былъ особый случай, имѣвшій мѣсто нѣсколько позже (1766 г.) [5]).

По своему характеру Арсеній не отличался ни аскетическими порывами, ни учеными стремленіями, въ противоположность другимъ южнорусскимъ выходцамъ въ сѣверной Россіи. Натура его — чисто практическая — отсюда его наклонность къ церковному порядку, къ установленнымъ требованіямъ и ученію, къ хозяйственности, къ охраненію всего ему доставшагося отъ какихъ либо посягательствъ извнѣ. Пребываніе его въ Тобольской епархіи было непродолжительно [6]), но въ Ростовской епархіи изстари при-

---

1) Между тѣмъ, посылая своему другу Ѳеологу «Лѣтописецъ», Димитрій Рост. предупреждаетъ его, «не очень кому лишнему давать его, чтобъ не разлилося, яко масло по водѣ... да не умножатся лишнія слова. Различни суть нравы человѣчестіи: инъ ищетъ пользы, а инъ ухватки». (Шляпкинъ, 430).

2) Р. Арх. 1902, № 3, стр. 498.

3) Сборн. Р. Ист. общ., VII, 288.

4) Рус. Арх. 1869, стр. 630.

5) Въ 1867 г. въ арх. Рост. магистр. былъ найденъ указъ, изъ котораго видно, что два дьячка и 4 крестьянина были подкуплены богатыми ростовскими раскольниками (всѣхъ 7 лицъ, здѣсь назв.). Виновники были наказаны кнутомъ, и съ вырѣзаніемъ ноздрей, сосланы въ нерчин. заводы, а купцы, какъ лица состоянія добраго, незамѣченные въ предосудительныхъ поступкахъ, освобождены (см. подробн. свѣдѣнія объ откр. мощей въ Яросл. Еп. Вѣд. 1879 и 1880, а также Р. Арх. 1895, № 5, стр. 5—16 (ст. А. А. Титова) съ послѣдующими фактами. О. Поповъ не обратилъ вниманія на это обстоятельство.

6) Въ Тобольскѣ онъ жилъ только съ 18 дек. 1741 г. (рукопол. 26 марта) по 10 февр. 1742 (см. прот. Ал. Сулоцкій, Тоб. и том. архипастыри, Омскъ 1881, с. 6—7).

надлежавшей къ самымъ богатымъ[1]), онъ получилъ обширное хозяйство, которымъ вовсе не хотѣлъ поступиться въ тѣхъ случаяхъ, когда правительственная власть, вслѣдствіе финансовыхъ нуждъ страны и установленнаго уже контроля въ имущественныхъ дѣлахъ церкви, предъявляла свои требованія. Въ его распоряженіи находился богатѣйшій конскій заводъ, которымъ очень дорожилъ Арсеній и отношеніе къ которому послѣдняго рисуютъ намъ его въ роли полновластнаго помѣщика,—обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживающее вниманія, что въ частной жизни, если онъ не былъ строгой жизни, какъ представляетъ его авторъ[2]), то вовсе не могъ идти въ сравненіе по своей личной обстановкѣ, съ другими собратьями, какъ, напр., Гедеономъ псковскимъ или даже Амвросіемъ московскимъ[3]). «Имѣлъ онъ, говоритъ одинъ изъ современниковъ, большую охоту къ лошадямъ, коихъ было у него до 600. И по охотѣ этой въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, принадлежащихъ архіер. дому, были такъ назыв. тогда конные дворы, напр., въ Демьянахъ, Песошнѣ, Ставотинѣ и Никольскомъ, по нынѣшнему заводы, ибо митрополитъ самъ бывалъ при сводѣ жеребцовъ съ матками, желая имѣть породы, улучшенныя искусствомъ, и не довѣряя завѣдывающимъ конными дворами въ точности исполненія приказовъ его»[4]). Для пастбищъ его лошадей были отведены особые архіерейскіе луга, а въ городѣ лошади помѣщались въ каменномъ конюшенномъ дворѣ, который названіе это сохранилъ и по сіе время (зданіе было пріобрѣтено городомъ и въ немъ удобно размѣстились 2 артил. бригады). Величина зданія (2-хъ этажнаго, въ видѣ четырехугольника, состоящаго изъ нѣсколькихъ корпусовъ) указываетъ на большое число лошадей. Полагать надо, что тутъ помѣщались экипажи, конюхи и др. прислужники. Середину между корпусами заключалъ обширный дворъ и колодезь съ большимъ колесомъ, въ коемъ ходилъ человѣкъ, а будто-бы когда-то и пріученный медвѣдь. Нерѣдко лошадей приводили къ митрополиту и на дворѣ, гдѣ ставился чанъ съ водою, конюхъ, по приказанію его, подводилъ лошадей къ чану, и буде лошадь станетъ

1) Арсеній усердно занимался постройками и передѣлками въ соборахъ, арх. домѣ и монастыряхъ (Лѣт. о ростов. архіер.; Ростов. и Яросл. Старина, А. Титова, 4—5); Лѣствицынъ, Ярослав. соборъ при м. Арсеніѣ (Яросл. Еп. Вѣд. 1874, № 46; 1876, №№ 15 и 16).

2) Такимъ представляютъ его нѣкоторые современники (см. ниже). Любопытно, что послѣ низложенія, но будучи еще монахомъ, Арсеній предавался куренію: для него оффиціально покупался табакъ (Поповъ, 185, 245, 246), а своихъ посѣтителей онъ, до пресыщенія, потчивалъ (214) водкой. Впрочемъ нарушеніе нравственнаго равновѣсія отмѣчено и у низложеннаго патр. Никона.

3) См. наше изслѣд. (Р. Стар. 1879, XXVI, 177—178).

4) Монастыр. и архіер. имѣнія вообще славились конскими заводами (Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В., прилож., 76), но въ особенности заводы Арсенія, которыми многіе пользовались (по отзывамъ Щербатова, Чт. въ Общ. Ист. 1859, III, 85), знатоки же заводъ его цѣнили свыше 40 тыс. рублей (ib. 1862, III, 190).

пить изъ него воду, то конюхъ, какъ не напоившій ее, наказывался. Съ конюшни митрополита, какъ говорили, взято было къ высочайшему двору нѣсколько лошадей вороныхъ, имѣвшихъ хвосты, гривы и чолки бѣлые [1]). — Эта живая картина, очевидно, рисуетъ передъ нами Арсенія со вкусами настоящаго богатаго помѣщика, умѣвшаго, подобно патр. Никону, растить и умножать, а не расточать. Арсеній дѣлалъ слишкомъ широкія обобщенія, когда утверждалъ, что съ отобраніемъ вотчинъ «придется съ голоду умирать» и «идти съ нищими въ міръ», хотя тутъ же признается, что «весь хлѣбъ содержится по вотчинамъ» и пока только былъ описанъ; но въ особенности онъ печаловался за опись лошадей и судьбу своего завода, «отчасти славившагося въ государствѣ», который совсѣмъ переведенъ не въ прислугу высокомонаршей власти, а какъ бы за вину конфискованъ». Мы не станемъ перечислять мелочныхъ разсчетовъ митр. Арсенія по поводу помѣщенія въ монастыряхъ инвалидовъ, которые показываютъ, что онъ не хотѣлъ поступиться какимъ либо правомъ въ пользу государства, не признавая никакого вмѣшательства съ его стороны въ вотчинныя права духовенства [2]). Между тѣмъ, гдѣ нужно, онъ твердо стоялъ на Регламентѣ Петра В. (Поповъ, с. 5, прим.).

Столь же опредѣленно онъ дѣйствовалъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ему пришлось имѣть дѣло съ уклоненіями догматическаго или административнаго характера. Въ первомъ случаѣ для него служили непреложными авторитетами ветхозавѣтные пророки, Левъ, еп. катанскій и Іосифъ Волоцкій, а наказаніями — самыя суровыя преслѣдованія до сожженія включительно. Практическая сторона характера Арсенія сказалась и здѣсь: съ первыхъ дней своей дѣятельности онъ является проповѣдникомъ, экзаменаторомъ, миссіонеромъ, катехизаторомъ (Черниговъ, Кіевъ, Москва, Петербургъ), но большого успѣха онъ не имѣлъ: причина этого лежала отчасти въ духѣ его проповѣдей, съ которымъ мы уже познакомились, отчасти въ его характерѣ, какъ увидимъ ниже. Обращеніе заточеннаго въ Соловки за расколъ иг. Іосифа осталось тщетнымъ (1732 г.), не смотря на личныя бесѣды, на книги, которыми онъ снабжалъ послѣдняго (и тутъ неизмѣнный «Просвѣтитель») [3]), и полемическіе трактаты — «Увѣщаніе» (Поповъ, 3—4) [4]); также неудачно было порученіе, данное ему — обратить на путь

---

1) Лѣт. о Рост. архіер. съ примѣч. А. А. Титова, стр. 51.

2) День, 1862, № 16; Соловьевъ, XXV, 146—147; наше изслѣд. 592—596; прилож. къ соч. Попова.

3) У Викторова (Опис. библ. сѣв. мон. Россіи, 133), есть указаніе на письма (1744) Арсенія (числомъ 7) къ соловец. архим. Геннадію (1741—1761).

4) О послѣдн. см. въ Правосл. Соб., 1861, III, 182—211, 295—334, 413—450, съ разборомъ (349—412).

истинный дворян. Возницына[1]), совратившагося въ жидовство (1735 г.); не видно, чтобы многочисленныя проповѣди оказали свое вліяніе на раскольниковъ (ib. 16—19); но есть другая сторона въ его личныхъ отношеніяхъ, которая несомнѣнно вліяла на ходъ дѣла. Она рѣзко выступаетъ въ цѣломъ рядѣ примѣровъ. При назначеніи его наставникомъ въ кадет. корпусъ (1738 г.), была сдѣлана справка о его службѣ и оказалось, что, будучи экзаменаторомъ ставленниковъ при моск. дух. правленіи, онъ запыталъ до смерти иг. Трифона, несмотря на преклонный возрастъ послѣдняго, за что получилъ только выговоръ (6). Въ 1754 г. онъ самъ доносилъ Синоду о смерти раскольника, послѣдовавшей вслѣдствіе пытокъ, учиненныхъ ему соборнымъ ключаремъ при увѣщаніи, и умышленнаго голода — такъ дѣлалось на глазахъ митр. Арсенія[2]). Не менѣе рельефный случай представляетъ преслѣдованія архим. Владиміра Каллиграфа, заподозрѣннаго въ ереси: не смотря на распоряженія Синода, Арсеній выжилъ его изъ своей епархіи, обвинивъ въ ереси жидовской и кальвинской. Каллиграфъ былъ учителемъ реторики въ Кіевской академіи, префектомъ и учителемъ философіи и богословія въ Московской академіи. У него была хорошая библіотека, между прочимъ латинскихъ книгъ, сочиненій по философіи отъ Еразма Ротерд. до Канта включительно. Въ богословіи онъ слѣдовалъ наставленіямъ Ѳеофана Прокоповича[3]). Но самыми опасными врагами Арсенія были раскольники.

V.

Арсеній торжественно клялся совершенно искоренить враговъ церкви, противъ нихъ онъ читалъ особенныя молитвы[4]); часовни и почитаемыя ими святыни уничтожалъ и отбиралъ, а лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, подвергалъ преслѣдованіямъ.

Для характеристики отношеній Арсенія къ расколу, авторъ ограни-

1) О немъ см. Соловьевъ, XX, 309—310.

2) См. въ статьѣ Никольскаго (Изв. Ак. Н. 1906, III, 198, примѣч.).

3) См. наше изслѣд. 29—31; у автора 42—46. Арсеній называетъ его «перекрещенцемъ изъ евреевъ» (Донош. Синоду 1763). По докум. Кіев. дух. акад. Каллиграфъ именуется «выкрестомъ изъ межибожскихъ евреевъ»; онъ былъ ея воспитан., а въ 1745—1747 г. и учителемъ; по принятіи монашества назвался Владиміромъ Каллиграфомъ (См. Акты и документы, отд. II, т. I, ч. II, XV, 71, 306—307; ч. I 203, 363, 367); состоялъ профес. Моск. дух. акад. Въ лекціяхъ по философіи замѣтное вліяніе на него оказали новыя системы Бэкона, Декарта, Лейбница и Вольфа. Философію Лейбница онъ зналъ хорошо и часто на нее ссылается. Вообще его курсъ представляетъ очевидный переходъ отъ схоластики къ Вольфіанской философіи (Смирновъ, Ист. Моск. акад. I, 157—158, 209, 210). Онъ былъ въ дружбѣ съ извѣстнымъ Сковородою, который сопутствовалъ ему до Москвы (К. Стар. 1886, XVI, 117).

4) Ср. наше изслѣд., с. 20.

чился лишь нѣсколькими замѣчаніями (дѣло Волчкова, 25—32), но это не даетъ яснаго представленія объ Арсеніѣ, какъ о борцѣ съ расколомъ. «Во всѣхъ государствахъ, говоритъ Арсеній, вездѣ твердое указаніе и обычай своимъ природнымъ жителямъ государственной (хотя худѣйшей вѣры) отступать не допускаетъ и отступившихъ *смертію казнитъ*. Васъ же раскольниковъ, истинной нашей вѣры отступниковъ и развратителей, почему бы *нашему государству* щадить и почему бы вамъ волю давать, отнюдь невмѣстно *и не токмо Богу, но и здравому уму противно и премерзко*». Мы уже знаемъ, что авторитетомъ здѣсь служили ветхозавѣтные примѣры, а также Левъ катанскій и Іосифъ Волоцкій. Указы Арсенія, мѣстныя записи и преданія, дошедшія до позднѣйшаго времени, свидѣтельствуютъ, что онъ не давалъ не только покоя, но и житья раскольникамъ. Онъ обвинялъ свѣтскія власти «въ знатномъ похлебствѣ» почетнымъ и богатымъ раскольникамъ, онъ посылалъ своихъ слугъ хватать несчастныхъ еретиковъ, «въ звѣрскомъ, брюхорадостномъ и плотоугодномъ состояніи пребывающихъ» въ ихъ домахъ, приказывалъ доставлять ихъ въ монастырь и архіерейскій домъ для увѣщанія и слѣдствія, гдѣ томилъ ихъ въ своихъ казематахъ цѣлые годы, не обращая вниманія на жалобы, сыпавшіяся на него къ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ[1]). Усомнившись въ православіи своей паствы, онъ распорядился всѣхъ разночинцевъ и *ярославское купечество*, кромѣ духовныхъ, военныхъ и штатскихъ, дворянства и приказныхъ, мужескаго и женскаго половъ отъ 70-лѣтняго возраста, не обходя никого, поприходно, привести къ присягѣ[2]). Для розысковъ у него имѣлась походная контора и сыщики; но къ его услугамъ была и полиція, не стѣснявшаяся приводить въ исполненіе всѣ требованія неумолимаго пастыря. Каждое слѣдствіе и обвиненіе сопровождались «пристрастными допросами» (наказанія плетьми, «цѣпами» и пытками)[3]). Посадскіе люди и приказные за небытіе у исповѣди подвергались обыкновенно арестамъ, но за уклоненіе въ расколъ неумолимо преслѣдовались: въ 1757 и 1759 г.—произведено было много такихъ арестовъ съ помощью магистратскихъ сотскихъ. Въ случаѣ же бѣгства виновныхъ въ расколѣ, подвергались аресту ихъ родственники и хозяева до разысканія; многіе поплатились также за про-

1) Въ Ростовѣ указывали при архіер. домѣ подвалъ, гдѣ помѣщались заключенныя духовныя лица (Р. Вѣст. 1868, № 4, с. 45), а одинъ изъ застѣнковъ для раскольниковъ былъ открытъ при реставраціи Ростовскаго кремля въ 1884 г. (см. статью А. А. Титова, Р. Арх. 1895 г., № 5).

2) При этомъ оказывается, по его заявленію, что на тѣхъ проповѣдяхъ, въ которыхъ онъ говорилъ народу «отъ слова божія», собиралось (на нихъ) народу не мало, а когда «сталъ вспоминать и толковать о богоненавистномъ расколѣ, тогда стало приходить весьма мало», что и вызвало подозрѣніе, что они оказуются въ правовѣріи сумнительны (Древ. и Нов. Рос. 1877, I, 272—274). Указъ этотъ былъ обращенъ къ яросл. магистрату.

3) Объ этихъ наказаніяхъ, см. Рус. Арх. 1863, с. 863; 1895, № 5, с. 6.

изнесеніе богохульныхъ словъ на чудотворца Димитрія Ростовскаго. Даже первый ратманъ яросл. магистрата Кириллъ Овсянниковъ, по подозрѣнію въ принадлежности къ расколу въ 1756 г., былъ вызванъ митрополитомъ «для духовнаго исправленія»; а когда (въ 1757 г.) Арсеній распорядился сломать одну весьма почитаемую у раскольниковъ часовню, то ярославцы такъ возмутились, что потребовалась вооруженная сила «для удержанія народа отъ бунта, вызваннаго распоряженіемъ ростов. митрополита»[1]). Въ своемъ указѣ Арсеній самъ сообщаетъ, что многіе отъ его преслѣдованій раскольники бѣжали и предавались самосожженію[2]).

И вотъ, въ то время, когда Арсеній самъ томился уже въ гнилыхъ казематахъ, его бывшая паства представляла открытую вражду, разъѣдавшую всѣ слои общества: духовныя и гражданскія власти, православныхъ и раскольниковъ, дворянство, чиновничество, купечество... Суды были завалены челобитными и кляузами, которыя оканчивались насиліями и убійствами. Объ этомъ свидѣтельствуетъ посланіе преемника Арсенія, еп. Аѳанасія, обратившагося тотчасъ по прибытіи въ свою епархію (1763 г.), по низложеніи Арсенія, съ словами мира и любви. «Ярославскаго магистрата господамъ присутствующимъ и всему честному гражданству миръ и благословеніе, пишетъ онъ. Съ крайнимъ прискорбіемъ и горестью души давно уже слышу, что городъ Ярославль раздѣлился самъ на себя и вкоренилися непримиримая между гражданами вражда и раздоръ, которые часъ отъ часу еще умножаются... Въ прежнія времена (какъ слышно) городъ Ярославль примѣромъ и образомъ былъ союзнаго и добропорядочнаго общества; а нынѣ къ великому своему стыду и несчастью, сдѣлался не только опальнымъ городомъ, но всему государству печальныхъ раздоровъ и вражды позорищемъ[3]). О чемъ многія и весьма знатныя персоны, да и всѣ вообще по любви христіанской сожалѣютъ, такъ и по справедливости негодуютъ на васъ». По словамъ его, нѣкоторые изъ опасности оставляли свои дома и принуждены были жить въ Москвѣ. Вообще автору, задавшемуся цѣлью всесторонняго освѣщенія личности Арсенія, слѣдовало бы обратить вниманіе не только на мѣстныя изданія, но и на мѣстные архивы и собранія частныхъ лицъ, въ которыхъ имѣются о немъ матеріалы.

---

1) Изъ старыхъ рукописей, А. А. Титова (Р. Арх. 1906, № 5, с. 5—6); Трефолевъ (Др. и Нов. Рос., 273).

2) А. А. Титовъ, Опис. рукоп. И. А. Вахрамѣева, II, 472.

3) Р. Арх., стр. 7—8. Отношенія Арсенія къ расколу, см. въ статьѣ Л. Трефолева (Яр. Еп. Вѣд. 1871, № 46) и А. В. Арсеньевъ, Выгорѣцкіе совратители (Ист. Вѣст. 1883, XIII, 619—645 и отд., Спб. 1887, с. 39—41, 60—70). Еп. Аѳанасій — Вольховскій I-й.

VI.

Не смотря на жестокость нравовъ, свойственную эпохѣ, и примѣры, имѣвшіе мѣсто въ средѣ, къ которой принадлежалъ Арсеній (авторъ, 20 и д.), слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что Синодъ иначе смотрѣлъ на дѣло Владиміра Каллиграфа, что по дѣлу архим. Трифона отмѣтилъ «жестокій характеръ» у Арсенія (съ наставленіемъ «впредь пытать бережно»[1]) и что Сенатъ и свѣтскія власти нерѣдко противодѣйствовали своимъ вмѣшательствомъ жестокимъ преслѣдованіямъ, господствовавшимъ въ церковной практикѣ относительно раскольниковъ[2]). Поэтому, едва-ли можно согласиться съ авторомъ «о милостивомъ нравѣ» Арсенія, иногда проявлявшемъ черты замѣчательнаго великодушія, хотя бы къ своимъ подчиненнымъ, если онъ говоритъ объ его «упорномъ характерѣ», о его «суровомъ обращеніи», безъ всякаго послабленія, съ нарушителями церковнаго благочинія, причемъ виновные подвергались тѣлесному наказанію (по инымъ даже жестокому), какъ и у другихъ архіереевъ (7, 20, 21, 23), о его раздражительной неуступчивости тамъ, гдѣ онъ замѣчалъ несправедливость, о его «грозныхъ указахъ», подозрительности и т. п., при «цѣльности натуры» (23, 36, 42, 46, 72 и др.), въ которой никакъ нельзя сомнѣваться. Такую же «строгость и мелочную подозрительность» отмѣчаетъ авторъ и въ отношеніяхъ Арсенія къ преподавателямъ семинаріи (42, 46). Подобная двойственность сужденій является у автора вслѣдствіе стремленія «обѣлить» Арсенія, но факты остаются фактами. Мы болѣе согласны съ нимъ въ томъ, что, «крѣпко стоя за свои права», онъ не давалъ въ обиду другимъ своихъ подчиненныхъ, духовенство и крестьянъ (22). Но это было результатомъ совсѣмъ иныхъ основаній: тутъ «вспыхивала необычайная энергія и гордое сознаніе властнаго защитника правды, не щадившаго ни близъ, ни высоко стоящихъ противниковъ» (23), конечно въ сферѣ понимаемыхъ имъ отношеній[3]). Притомъ представитель этихъ протестовъ долго былъ

---

1) См. наше изслѣд. 20.

2) См. нашъ очеркъ «Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ 1-ю полов. цар. Екатерины II», Спб. 1905; І. А. Сырцовъ, Сибирскіе квакеры въ XVIII в. и «Самосожженіе сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII ст. (Тоб. Еп. Вѣд. 1887 и 1888 и отд.).

3) Не смотря на бывшіе примѣры, переходъ изъ іеромонаховъ въ митрополиты представляется все-таки весьма быстрымъ. Амвросій былъ близокъ по духу Арсенію (они совмѣстно подавали проектъ о лучшемъ церк. управленіи противъ существовавшей формы) и вѣроятно сблизился съ нимъ еще въ Кіевѣ. Въ Петербургѣ онъ оказывалъ ему всякое покровительство (Матер. для ист. Акад. IV, 217—235, 481—482). До назначенія въ Тобольскъ Арсеній и жилъ у Амвросія (Р. Арх., 1905, № 10, с. 153); отъ него взялъ и секретаря. По возведеніи въ санъ митрополита онъ писалъ въ Ак. Наукъ, что онъ «опредѣленъ митр-мъ въ Тобольскъ и всея Сибири» (Матер., IV, 618).

поддерживаемъ своимъ патрономъ, съ которымъ они вмѣстѣ собирались реформировать церковное управленіе (24), и покровительствомъ импер. Елисаветы, на поддержку которой онъ продолжалъ надѣяться. Мѣнялся порядокъ вещей (при Петрѣ III, Екатеринѣ II) и воззрѣній на связанные съ нимъ вопросы, но Арсеній, какъ будто не замѣчалъ хода событій, которыя онъ считалъ возможнымъ предупредить и устранить съ помощью своихъ милостивцевъ (Дубянскаго, Бестужева-Рюмина).

VII.

Уже по самому характеру Арсенія можно видѣть, какъ онъ сталъ бы дѣйствовать, если бы ему пришлось войти въ соприкосновеніе съ другою властью. Авторъ разсматриваетъ эти отношенія лишь какъ выраженіе защиты и неприкосновенности церковныхъ правъ. Правда, здѣсь могло имѣть мѣсто его болѣзненное состояніе (цынга, скорбутъ) [1]), пріобрѣтенное во время сибирской экспедиціи и вносившее значительную долю раздражительности [2]), но далеко не стоитъ это на первомъ планѣ: не смотря на неблагопріятныя послѣдующія условія, Арсеній прожилъ почти до 75 лѣтъ († 1771 г.). Въ основаніи предпринятой имъ борьбы съ властями, лежало его собственное воззрѣніе на власть. По взгляду Арсенія духовная власть являлась столько же самостоятельной и независимой, какъ и свѣтская. Ей должна была принадлежать вся полнота правъ на независимое управленіе и судъ въ дѣлахъ духовныхъ и право вмѣшательства, на равныхъ началахъ, въ дѣлахъ недуховнаго характера, но касающихся духовныхъ лицъ [3]). Такимъ образомъ столѣтіе спустя здѣсь всплываютъ на верхъ тѣ же требованія и притязанія, которыя имѣли мѣсто въ дѣлѣ Никона и привели тогда къ столь же печальному концу. Ровно столѣтіе историческаго процесса въ отношеніяхъ между властями осталось для Арсенія незамѣченнымъ. Всѣ его надежды клонились къ возстановленію патріаршества и здѣсь онъ готовъ былъ даже сослаться на мнимое желаніе Петра совершить такой

---

1) Чт. въ Общ. ист. 1862, III, 135—136.

2) Нѣкоторые видятъ въ томъ одну изъ причинъ его раздражительности (Р. Арх. 1905, № 10, с. 154).

3) Р. Арх. 1905, № 10, с. 165.

Дѣйствія Арсенія очень напоминаютъ поведеніе Іосифа коломенскаго (современника патр. Іоакима) — тоже недовольство всѣми и притязанія на все, при жестокомъ отношеніи къ подчиненнымъ. «Но требовательный мудрецъ, говоритъ историкъ, не понималъ одного, что высшая мудрость для архіерея состояла въ умѣньи самому привыкнуть и другихъ пріучить къ христіанскому обращенію съ ближними, заставлять дурнаго воеводу перемѣнять свое обращеніе съ подчиненными, а не самому превосходить жестокостями самаго дурнаго воеводу» (подробн. см. Соловьевъ, XIII, 155—156 и примѣч. 105).

переворотъ[1]), и вообще юридическая сторона въ доводахъ Арсенія занимаетъ видное мѣсто[2]). Въ оффиціальныхъ обращеніяхъ Арсенія называли «великимъ господиномъ» (20). «Я-де кто? надъ ликомъ Божіимъ (образомъ) — властенъ и государыня (конечно Елисавета Петровна) мнѣ ни въ чемъ не запретитъ», — показывалъ на него раскольникъ Волчковъ (31—32)[3]). Въ этомъ отношеніи онъ былъ одинаково строптивъ и къ свѣтскимъ правителямъ, въ управленіе которыхъ онъ считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться, и къ духовной коллегіи — Синоду, авторитета котораго, какъ духовной власти[4]), онъ не признавалъ, за что получалъ суровыя замѣчанія и выговоры Сената, Синода и верх. власти[5]). Онъ не пожелалъ остаться даже членомъ Синода и отказывался дать обычную присягу[6]). По прибытіи въ Тобольскъ Арсеній распорядился, чтобы духовенство не смѣло обращаться въ свѣтскіе суды подъ опасеніемъ 11 прав. Антіох. собора и если кто либо изъ свѣтскихъ командировъ потребуетъ («дерзнетъ») духовное лицо къ суду, въ качествѣ виновнаго или свидѣтеля, безъ сношенія съ духовною властью, не подчиняться, и этимъ правомъ пользовалось духовенство и при преемникахъ Арсенія, до цар. Екатерины II[7]). По свидѣтельству же знатока мѣстныхъ архивовъ, прот. А. Сулоцкаго, просмотрѣвшаго дѣла за время съ 1701—1768 г., слѣдовательно до митр. Павла Конюскевича включительно, весьма близкаго по духу Арсенію Мацѣевичу[8]), не смотря на то, что всѣ тогдашніе сибирскіе архіереи прошли одну школу съ Арсеніемъ, ни у одного изъ нихъ нѣтъ такихъ выраженій, такихъ отзывовъ и замѣчаній на счетъ другихъ, на счетъ лицъ, несогласныхъ съ нимъ и такъ или иначе касавшихся духовенства[9]). Другой изслѣдователь

1) Филаретъ, Обз. дух. литер. II, 24—25.

2) Заслуживаетъ вниманія, что его секретарь Ив. Волковъ имѣлъ прекрасный экз. Соднаго Уложенія, съ дополн. статьями на 188 листахъ (Рукоп. Вахрамѣева, II, с. 333). Арсеній не признавалъ каноническаго значенія Стоглава, такъ какъ на немъ не было подписей членовъ собора (Прав. Соб. 1861, III, 379).

3) Ср. ссылки на Баронія (Поповъ, прилож. XII).

4) Въ проектѣ Амвросія и Арсенія читаемъ: «А оберъ-прокурору, какъ и экономіи коллегіи нечего здѣсь дѣлать, понеже и то за нужду дѣлается, что въ Синодѣ мірскіе секретари и оберъ секретари. По настоящему церковному порядку надлежало бы и тѣмъ быть духовнымъ лицамъ — іеромонахамъ или монахамъ» и такъ далѣе до прямыхъ указаній на недавнее нѣмецкое правительство (ibid.), какъ говорилось при Елисаветѣ и въ многократныхъ проповѣдяхъ.

5) Рус. Арх. 1905, № 10, с. 162—174.

6) Представленная имъ присяга вмѣсто прежней, устраняетъ крайняго судію — Верховную власть и въ замѣнъ ставитъ «полномощную главу церкви и великаго архіерея и Царя Господа нашего Іисуса Христа» и т. д. (См. въ нашемъ изслѣд., стр. 14—15).

7) Сулоцкій, Чт. въ Общ. ист. 1864, IV; Вѣстн. Европы 1893, IV, 545—554.

8) О немъ см. изслѣд. о. І. Сырцова («Квакеры въ Сибири» и «Самосожигат. сибир. раскольн. въ XVII и XVIII стол.» въ Тобольск. Епарх. Вѣд. и отд.).

9) См. Матер. и жизнеопис. Арсенія Мацѣевича (Чт. въ Общ. ист. 1864, IV, смѣсь 29—36).

дѣятельности Арсенія (по Синод. арх.) за время его пребыванія въ Тобольскѣ говоритъ, что цѣлый рядъ указовъ, отъ него оставшихся, имѣетъ главнымъ образомъ предметомъ своимъ борьбу съ свѣтскими властями, которыя обыкновенно привыкли вмѣшиваться въ церк. дѣла. И вотъ вмѣсто того, какъ его предшественникъ «смиренно проситъ» какого нибудь «управителя екатеринбург. заводовъ» и получаетъ «выговоры» и «требованія» отъ заводской канцеляріи за поставленія безъ ея свидѣтельства церковниковъ, а эта послѣдняя перемѣщаетъ духовныхъ лицъ по своему усмотрѣнію, со стороны Арсенія шлются «грозные указы и промеморіи», жалобы и донесенія въ Синодъ, Сенатъ и къ мѣстной администраціи. Въ этомъ случаѣ ему пришлось имѣть дѣло и съ тоб. губерн. (Шиповымъ), и съ сиб. воев. (Миклашевскимъ), и съ пелым. воев. и нач. заводовъ, причемъ Сенатъ отмѣтилъ его «уразительныя рѣчи» и «злобственныя и вредительныя слова». Арсеній наказывалъ священниковъ, которые исполняли требованія гражданской власти, и въ этихъ случаяхъ онъ пользовался всею силою доводовъ, имѣвшихся въ свѣтскихъ указахъ[1]). Мы знаемъ, какъ рѣшительно поступалъ Арсеній въ Ростовской епархіи съ бывшей тамъ семинаріей и раскольниками; но рядомъ съ тѣмъ онъ велъ неустанную борьбу съ администраціей и гражданами. Если существовала распря между церковью и владѣльцемъ изъ-за земли, онъ захватывалъ послѣдняго и его повѣренныхъ и распоряжался подвергнуть тѣлесному наказанію. Сила его власти обнаруживалась не въ томъ, что онъ считалъ себя въ правѣ такъ поступить, а въ томъ, что магистратъ не считалъ себя въ правѣ ослушаться и безпрекословно исполнялъ требованія митрополита[2]). Въ другомъ случаѣ, за посягательство на землю причта (вопреки Регламенту, на который онъ любилъ ссылаться въ нужныхъ случаяхъ), маіора Матвѣя Обрѣзкова, его сына, всѣхъ домашнихъ, дворовыхъ людей, крестьянъ, ихъ домашнихъ онъ отлучилъ отъ церкви, отъ исповѣди и св. таинъ и запретилъ ходить къ нимъ съ требами, но если бы они явились въ церковь, то оставить службу и не пѣть до тѣхъ поръ, пока они не уйдутъ, а если кто изъ нихъ умретъ, то зарывать ихъ въ полѣ безъ всякаго отпѣванія. Указъ этотъ велѣно было заказчикамъ объявить всѣмъ священникамъ Ростовской епархіи и велѣть

1) Ibid. 158—166. Нѣкоторыя изъ возраженій Арсенія имѣли значеніе, какъ вопросъ о штрафныхъ деньгахъ за небытіе у исповѣди, противъ чего онъ писалъ и въ Тобольскѣ, и въ Ростовѣ. Но и здѣсь онъ пристегиваетъ свой любимый мотивъ. Напр., «въ дѣлахъ церковныхъ духовные могутъ командовать свѣтскими, какъ усчитывать церк. старосту, а не наоборотъ, потому что все, отданное въ церковь, есть уже посвященное Богу и состоитъ въ полной власти архіерейской». (Къ харак. Арсенія Мац., Яр. Еп. Вѣд. 1868, № 25; ср. Поповъ, 19).

2) Древн. и Нов. Россія 1877, I, 271—272.

прочесть его въ воскресный день въ церкви при народномъ собраніи[1]). Спустя годъ онъ также поступилъ съ капит. Терпигоревымъ и «многими дворянами», отобравъ грамоты на помѣстныя земли. Дѣло доходило (по жалобѣ—у автора «доносу») до Синода и Сената. Оказалось, что безпокойный капитанъ былъ отлученъ владыкой отъ церкви; а на запросъ объ этомъ изъ Петербурга, Арсеній заявилъ, что, кромѣ отлученія (!) нѣтъ у него инаго сособа къ укрощенію продерзостей и нападокъ отъ Терпигорева, не смотрящаго ни на Бога, ни на свои предъ Богомъ въ покаяніи обѣщанія[2]). По этому поводу авторъ дѣлаетъ слѣдующій неожиданный выводъ: «Такимъ образомъ митр. Арсеній не только защищаетъ церковную недвижимую собственность, но старается еще внушить страхомъ отлученія и уваженіе къ каноническому праву собственности» (65).

Любопытно, что онъ являлся защитникомъ своихъ подчиненныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось имѣть дѣло съ вторженіемъ посторонних лицъ и учрежденій въ область духовнаго вѣдомства; но въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ, какъ, напр., по случаю пыли, найденной въ алтарѣ (у автора 21—22 — наказаніе кошками заказчика и ссылка священника въ монастырь), онъ былъ суровъ, а въ иныхъ случаяхъ и жестокъ, какъ выдача семьи священника, обличенной въ волшебствѣ, тайной канцеляріи, вмѣсто духовнаго наставленія[3]). Современники о немъ свидѣтельствуютъ, что онъ былъ нрава строптиваго, въ сужденіяхъ и словахъ самонадѣянъ и дерзокъ, съ подчиненными бранился неприличными словами; бывали случаи жестокой своеручной расправы и жизнь велъ не совсѣмъ монашескую[4]). Понятно, что съ администраціей онъ всегда былъ въ ссорѣ,

1) Р. Стар. 1883, XXXIX, 555—558.

2) Авторъ излагаетъ это дѣло по Синод. арх. Тутъ же, вѣроятно для смягченія, онъ указываетъ на отзывъ Екатерины II о поступкахъ м. тоб. Павла Конюскевича, который за малые, но, по его и его совѣтниковъ (коимъ онъ безъ изъятія вѣрилъ) мнѣнію, великіе проступки наказывалъ отлученіемъ отъ церкви, замѣчая, что она повидимому ничего не имѣла противъ такой мѣры за *важные* проступки». Но здѣсь выражено осужденіе вообще и Екатерина II не могла думать иначе. Во вторыхъ, авторъ позабылъ 16 § «Регламента» Петра В., въ которомъ сказано, чтобы «только епископъ сіе творилъ не по страсти, но съ прилежнымъ розыскомъ. Аще бо неповинно кого отлучитъ, а тотъ поищетъ его суда въ коллегіумѣ (Синодѣ), наказанъ епископъ будетъ по разсужденію коллегіума духовнаго» (Собр. постан., I, 13), причемъ, замѣчено, что «отлученіемъ наказуемы преступницы соборныхъ правилъ» и далѣе перечисляются чисто церковныя прегрѣшенія, но никакъ не столкновенія по землевладѣнію.

3) Опис. рукоп. Вахрамѣева, т. III, прилож. Здѣсь рядъ дѣлъ изъ консист. архива, кас. управленія (стр. 116 и далѣе).

О наказаніи кошками, см. Рус. Арх. 1863, с. 378—380.

4) Ежегод. Влад. Статис. комит. I, вып. 1-й, ст. И. Лядова; Древн. и Нов. Россія 1876, III, 415—416. Разсказываютъ (дух. лица), что однажды передъ утренней въ вел. субботу, когда митрополитъ собирался идти въ церковь, портной-служка принесъ ему новую подвевку, которая такъ ему понравилась, что онъ тутъ-же, не смотря на благовѣстъ, велѣлъ дать служкѣ два стакана вина и т. п.

а потому, обращаясь съ просьбой къ сановнику (Бестужеву-Рюмину) по важному дѣлу, какъ и въ Сибири, просилъ перемѣнить воеводу въ Ростовѣ. Въ другой разъ, хлопоча о томъ же, онъ присоединяетъ рекомендацію въ наставники по закону божію для вел. князя [1]). Всѣми онъ недоволенъ, всѣхъ желаетъ учить и всѣмъ навязать свои взгляды и убѣжденія, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей дѣла Арсенія. Обыкновенно и часто такъ бываетъ, что люди подобнаго закала оканчиваютъ свою жизнь самымъ плачевнымъ образомъ [2]).

Арсеній подозрѣвалъ и обвинялъ воеводъ и чиновниковъ во взяткахъ [3]), выгораживая въ то же время подчиненное ему духовенство; но изъ архивныхъ дѣлъ видно, что консисторскіе канцеляристы обогащались, благодаря охотѣ на раскольниковъ, что̀ доказывается между прочимъ большими капиталами, которые хранились ими въ церковныхъ подвалахъ. Такъ, у одного его канцеляриста было однажды похищено серебряной монеты на сумму свыше 500 р. [4]). Къ сожалѣнію авторъ не сгруппировалъ данныхъ, касающихся жизни Арсенія, а упоминаетъ о нѣкот. изъ приведенныхъ фактовъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ бы случайно, другіе же остались ему неизвѣстными. Такъ, между прочимъ, на стр. 58—62 онъ приводитъ обширную инструкцію конюху и домовой канцеляріи, свидѣтельствующихъ о «заботахъ» Арсенія о «конскихъ дворахъ» и домашнемъ хозяйствѣ, въ которой даются мелочныя распоряженія о содержаніи лошадей, веденіи сельскаго хозяйства, и строгія требованія его постоянно подкрѣпляются такими внушеніями за отступленія: «за что (конюхъ) со старостою и выборнымъ немилосердно плетьми разсѣчены будете», «со взятіемъ тяжкаго штрафа», «безъ всякой потачки», «взыскивать (съ крестьянъ) со строгостью безъ упущенія», «взыскивать начеты правежомъ» и т. п. [5]). Вообще, читая эти наставленія и въ особенности обращенія къ конюхамъ, можно вывести заключеніе, что Арсеній (какъ и многіе тогдашніе помѣщики) болѣе заботился о содержаніи лошадей, нежели о судьбѣ своихъ подвластныхъ. Поэтому невольно припоминается извѣстный анекдотъ о Биронѣ. Правда, онъ тутъ же прибавляетъ, чтобы въ свѣтскіе суды никого изъ крестьянъ не

---

1) День, 1864, № 16, стр. 3; Соловьевъ, XXV, 146—147; Сборн. Рус. Ист. Общ. VIII, 270.

2) Библіографъ, 1886, с. 62.

3) См. наше изслѣд. (Р. Стар. 1879, XXV, с. 9).

Антагонизмъ духовенства и дворянства изъ-за обладанія крестьянами виденъ ясно изъ письма одного свѣтскаго корреспондента Арсенія. Онъ пишетъ: «Дворянство необузданное *забыло, чтобы умереть, а помнитъ, что надлежитъ править и владѣть вотчинами не духовенству, а дворянству*» (Р. Стар. 1876, XV, 730).

4) Древн. и Нов. Россія 1877. I, 274. О цѣнности денегъ см. ниже.

5) Онѣ напеч. въ Яр. Еп. Вѣд. 1868, №№ 26 и 27. Первая изъ нихъ напеч. А. А. Титовымъ также въ Рус. Арх.

отдавать, исключая виновныхъ по первымъ двумъ пунктамъ, воровъ и разбойниковъ, но въ этомъ случаѣ шло дѣло *о престижѣ власти — не болѣе.* Такимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго, никакъ нельзя сдѣлать вывода: «суровъ былъ ростов. владыка, но не по отношенію къ низшимъ, которыхъ всегда защищалъ» (62, 113). При этомъ вскользь авторъ упоминаетъ объ «участливомъ отношеніи» Арсенія къ Бирону во время пребыванія его въ Ярославлѣ послѣ того, какъ въ его регентство онъ отказался принести присягу послѣднему (23). Но онъ не обратилъ вниманія на то, что въ яросл. консист. архивѣ есть рядъ дѣлъ, возникшихъ по поводу участія членовъ семьи (1743—46) Бирона въ крещеніи безъ православныхъ воспріемниковъ. Священникъ, допустившій эти отступленія на основаніи прежнихъ примѣровъ, былъ жестоко наказанъ тѣми же «цѣпками»[1]). Слѣдуетъ замѣтить, что единственная дочь Бирона, Гедвига-Елизавета, вслѣдствіе деспотизма отца, бѣжала къ яросл. воеводѣ Пушкину, а имъ была препровождена въ Москву, гдѣ находился дворъ (1749), приняла православіе и была оставлена при дворѣ (въ 1759 г. вышла замужъ за бар. А. И. Черкасова[2]). Сочувствіе Арсенія Бирону авторъ видитъ въ его словахъ, сказанныхъ совершенно случайно: «Удивительная вещь, въ Митавѣ счастье Бироновъ, какъ сырая головня горитъ»! Но здѣсь рѣчь идетъ, конечно, о дѣлѣ Бирона по водворенію его на курляндскомъ престолѣ[3]).

VIII.

По нѣкоторымъ даннымъ Арсеній неоднократно просился на покой и при его отношеніяхъ къ высшимъ и мѣстнымъ властямъ — это былъ бы лучшій исходъ для него самого; но импер. Елисавета отстранила просьбу, чѣмъ значительно способствовала усиленію того настроенія, которое было господствующимъ въ характерѣ Арсенія — высокому понятію о его власти, съ вершины которой онъ не замѣчалъ ни перемѣнъ среди правящихъ лицъ, ни духа времени, и ему вскорѣ пришлось помѣряться силами въ такомъ дѣлѣ, которое было поставлено на очередь самой исторіей, предше-

---

1) Р. Стар. 1893, № 9, стр. 613—615; Р. Арх. 1894, № 9, с. 5—7; Яр. Еп. Вѣд. 1893, с. 257—262, 419—422; Труды Яросл. учен. арх. ком., I, с. 8. О неудовольствіи Бирона на колокольный звонъ (онъ жилъ въ домѣ, нѣкогда занятомъ Мар. Мнишекъ), Ист. Вѣстн. 1893, № 9, с. 841—842; Свѣд. о пребыв. Бирона въ Ярославлѣ, И. Рогозинникова (Яр. Еп. Вѣд. 1880, № 19); о жизни Бирона также письма къ разнымъ лицамъ (Архивъ кн. Воронцова, III, 525 — 604). Указъ Арсенія о крещеніи правовѣрныхъ (Чт. въ Общ. ист. 1908, III, 25).

2) Записки Екатерины II, 91—92, 105 (загран. изд.); М. Хмыровъ, Истор. статьи, 418—419. Во время пребыванія Арсенія въ Тобольскѣ, семья Бирона была еще въ Пелымѣ (до марта 1742 г.).

3) Сборн. Рус. Ист. Общ., т. VII, XXII; Соловьевъ, т. XXV.

ствующимъ ходомъ событій. Мы говоримъ объ имущественныхъ правахъ церкви и связанной съ нимъ — секуляризаціи церковныхъ земель. Вопросъ этотъ имѣлъ мѣсто въ Византіи, на Западѣ и въ Россіи и вездѣ сопровождался продолжительными спорами, борьбою и, не смотря на разность положеній, — одинаковымъ исходомъ, въ силу политическихъ и историческихъ условій [1]). Авторъ разсматриваемаго труда съ достаточной подробностью для своей цѣли остановился на исторіи этого вопроса въ Россіи, воспользовавшись трудами Милютина, Горчакова, Павлова, Семевскаго, Завьялова и др. (стр. 49—88). Вопросъ этотъ на столько выясненъ въ нашей литературѣ, что въ данномъ случаѣ намъ нѣтъ надобности останавливаться на немъ. Авторъ справедливо указываетъ, что Ростовская епархія, почтенная древностью, считалась одной изъ самыхъ богатыхъ какъ по количеству церковныхъ даней (= 2014 р.), такъ и по громадному числу вотчинъ—архіерейскаго дома (=16340 д. крест., съ которыхъ сбора шло 8943 + 10919 четв. хлѣба) и монастырскихъ (= 38371 р.) [2]). Совершенно вѣрно онъ замѣчаетъ, что право церковной собственности ограждалось такой внушительной нравственной силой, что предъ нимъ отступали всякія притязанія князей собирателей (53). Но, признавая мысль проф. А. С. Павлова, что духовенство отстояло свои права на землю въ XV—XVI в. потому, что потакало вел. князю во всемъ (86—87), — остроумною, но которою нельзя пользоваться изслѣдователю секуляризаціи въ XVIII в., такъ какъ ревнители церковныхъ имѣній, подобные Арсенію Мацѣевичу, считались за противниковъ власти, а лица, содѣйствовавшія ей (Димитрій Сѣченовъ), за защитниковъ абсолютной власти (54, прим. 4), онъ ставитъ вопросъ невѣрно. Защитники правъ церкви въ XVI в. всегда оставались въ отношеніи къ власти корректными (Іосифъ Волоцкій и его послѣдователи), не раздѣляя этихъ двухъ принциповъ, а защитники имущественныхъ правъ церкви въ XVIII в. дошли въ лицѣ Арсенія до того, что готовы были низвести на главу посягателей небесные громы. Въ этомъ отношеніи вѣрнѣе другая мысль Павлова, что мнѣніе, признающее, въ случаѣ посягательства мірской власти на имущественныя права церкви, права духовной власти бороться даже до пролитія крови, со ссылкой на средневѣковую теорію о двухъ мечахъ, извѣстная въ Россіи уже въ началѣ XVI в. («Слово»

1) Между тѣмъ, какъ Арсеній смотрѣлъ на отнятіе недвижимой собственности, какъ на паденіе архіерейства («сохрани Богъ, чтобы нашему государству быть безъ архіереевъ», говоритъ онъ въ доношн. 1763 г.), по замѣчанію г. Знаменскаго, «голосъ Арсенія Мацѣевича раздался за крѣпостное право русской церкви» (Прав. Соб. 1875, № 3, с. 228).

2) Авторъ не опредѣляетъ цѣнности тогдашнихъ денегъ, а только выражается: «которыя въ переводѣ на наши деньги составятъ сумму гораздо большую» (50, прим. 1). Обыкновенно же полагаютъ увеличеніе цѣнности денегъ въ періодъ съ полов. XVIII в. до XIX стол. 6—9 разъ (Лешковъ, Семеновъ, Ключевскій, Черепнинъ).

1505 г. писано по порученію архіепископа, со ссылкой на обычаи «разныхъ міра странъ»), по существу своему есть латинская теорія»[1]), къ которой по своимъ симпатіямъ склоненъ былъ Арсеній[2]).

Конечно, труднѣе было бороться съ государственными учрежденіями, какъ «коллегія экономій» и «коммиссія о духовныхъ имѣніяхъ»; но любопытно здѣсь то, что Арсеній всею силою доводовъ защищаетъ не духовное назначеніе церковныхъ имѣній, а матеріальныя нужды монастырей и главнымъ образомъ архіерейскаго дома, и всею силою доводовъ возражаетъ противъ ограниченія архіерейской власти въ дѣлѣ «суда и расправы»; между тѣмъ ростов. архіер. домъ получалъ высшій окладъ противъ другихъ и на немъ числилось еще значительная недоимка (4395 р. въ 1742 г.; 17946 р. въ 1763 г.)[3]); прося же о защитѣ, о прибавкѣ, Арсеній вставляетъ въ поученіе той же коллегіи экономіи, а косвенно и выше, исторію Юліана Отступника. Конечно, при Елисаветѣ Петровнѣ подобныя попытки могли ограничиваться выговорами, но перемѣнились лица, измѣнились взгляды на это дѣло. Сторонники Арсенія смотрѣли на оберъ-прокурора, какъ на «врага», который «ни ѣстъ, ни спитъ», но только думаетъ, какъ-бы привести все въ помѣшательство — это «львоименитый супостатъ». Духовные коллеги Арсенія надѣялись на послѣдняго, какъ на своего вождя, какъ на борца за ихъ интересы, какъ на ниспосланнаго имъ «ангела божія»; они посѣщали его и одобряли на предпринятіе рѣшительнаго шага[4]). Переписка ихъ стала потомъ извѣстною и хотя не причинила имъ особенныхъ хлопотъ, но выяснила, что Арсеній является дѣйствительно во всеоружіе политическаго борца[5]). Опись (при Петрѣ III) монастырскихъ вотчинъ и имущества,

1) Павловъ, Секул. церк. истрц. 61—63. На стр. 51, примѣч., Павловъ сопоставляетъ съ событіями XVI в. проектъ Арсенія.

2) Означенное «Слово» приписывается какому-то ученому иностранцу, живш. въ Россіи (Горскій и Невоструевъ, Опис. рукоп. Синод. б. № 320, стр. 609) или именно доминик. Веніамину, живш. въ Новгородѣ при архіеп. Геннадіѣ и участвов. въ переводѣ для него Библіи; оно могло быть направлено противъ новгородцевъ, склонныхъ къ захвату церк. имуществъ (Голубинскій, II, 635, примѣч.).

3) По количеству вотчинъ ростов. архіер. домъ занималъ 2-ое мѣсто (Семевскій, Крест. въ цар. импер. Екатерины II, 126; Ростиславовъ, 63). Притомъ первенство это было историческое и накоплялось вѣками)А. Никольскій, Кирилло-Бѣлозерскій мон—рь, прилож., стр. III и VI).

4) Арсенія въ теченіе этого періода посѣтили: Сильвестръ переясл., Амвросій (крутицкій) Зертисъ-Каменскій, Дамаскинъ костром. Въ перепискѣ съ нимъ состояли: митр. Тимоѳей москов., Дамаскинъ костром., Амвросій Зертисъ-Каменскій, Сильвестръ.

5) Авторъ полагаетъ, что дѣйствія другихъ духовныхъ лицъ, сочувствовавшихъ Арсенію, не были извѣстны Екатеринѣ, такъ какъ ихъ переписку отъ нея скрыли (149—150). Но это не вѣрно. Въ письмѣ къ Вольтеру 11 авг. 1765 она писала: «Арсеній, еп. ростов., *подущенный нѣкоторыми* изъ своихъ собратій, но которые заботливо разсудили скрыть свои имена, возсталъ противъ этого», т. е. проектовъ объ управл. дух. имѣніями (Сбор. Р. И. Общ., X, 37 — любопытны варіанты этого письма). И мы думаемъ, что Екатерина полу-

а затѣмъ и завода, съ предоставленіемъ ему лишь нѣсколькихъ лошадей для выѣзда, — подлила масла въ давно тлѣвшій огонь. Опасеніе духовенства за самую независимость церкви было лишь кратковременнымъ и не имѣло тѣхъ послѣдствій, какихъ ожидали. При Екатеринѣ II дѣло опять свелось на тотъ же жгучій вопросъ о церковныхъ имуществахъ. Съ какой бы стороны ни разсматривать этотъ вопросъ, необходимо имѣть въ виду, что, при всемъ ея желаніи угодить на первыхъ порахъ духовенству, она должна была считаться съ тѣмъ положеніемъ, какое было создано для монастырскихъ крестьянъ при Петрѣ III, и съ обширнымъ движеніемъ монастырскихъ крестьянъ, которое угрожало общей опасностью. Послѣдніе не хотѣли возвращаться въ вѣдѣніе своихъ прежнихъ владѣльцевъ и готовы были уплачивать требуемый налогъ въ казну. Многочисленность челобитныхъ на несправедливости и притѣсненія духовныхъ властей (въ дѣлахъ коммиссіи) лучше всего говоритъ намъ, насколько этотъ вопросъ требовалъ немедленнаго рѣшенія (у автора, 79, 82, 95, 98, 99—103). И самъ авторъ замѣчаетъ: «удивительно-ли, что взглядъ на задачи коммиссіи, которая составлялась, какъ бы «удовольствіе духовенству учинить», теперь измѣнился и сталъ шире» (103).

Намъ кажется, что, въ виду такого положенія вещей, считать, что въ этомъ дѣлѣ преобладающую роль играли тѣ или другіе, свѣтскіе или духовные совѣтники Екатерины II, преслѣдовавшіе исключительно, по своей нравственной низменности, личные интересы, — будетъ большой ошибкой (111—121)[1]. Какъ всегда, однако, оказалось, что дѣйствующихъ лицъ было меньше, чѣмъ сочувствующихъ, а противодѣйствующихъ и того меньше. Какъ ни старался привлечь своихъ посредниковъ къ общему дѣлу, Арсеній этого не достигъ: одни остались при добрыхъ желаніяхъ, другіе ограничились ничего не значущими замѣчаніями въ коммиссіи, а третьи и совсѣмъ не выступили: костром. еп. Дамаскинъ, получившій чинъ отлученія, исправленный Арсеніемъ, однако не привелъ его въ исполненіе[2].

Къ этому обстоятельству намъ и слѣдуетъ обратиться.

чила представленіе объ Арсеніѣ еще раньше. Всего за 2 мѣс. до своей катастрофы (въ янв. 1763 г.) онъ вздумалъ послать привѣтствіе импер-цѣ съ восшест. на престолъ «яко вѣры и благочестія хранительницѣ и защитницѣ», «купно съ вселюбезнѣйшимъ сыномъ и наслѣдникомъ», «по многихъ же лѣтъ да способиться благод. Іисуса Хр. вѣчно наслаждатися безсмертныхъ благъ въ сокровищахъ небеснаго Его царствія, идѣ же апокалипсическіе старцы, цари падаютъ предъ сидящимъ на престолѣ и поклоняются живущему... полагающе вѣнцы своя предъ престоломъ» и т. д. (Р. Бесѣда, 1860, кн. XX, 231—232). Быть можетъ Арсеній и своему письму придавалъ какой-нибудь «апокалипсическій» смыслъ.

1) Оцѣнку дѣйствій коммиссіи мы сдѣлаемъ ниже. По характеристикѣ автора выходитъ, что и всѣ судившіе Арсенія Мацѣевича были люди дурные, а потому и судили его неправильно. Такъ онъ отзывается о всѣхъ участникахъ перваго и втораго его процессовъ, почему они и не заслуживаютъ, по его заключенію, довѣрія (213, 220, 221, 225, 256, 257).

2) См. въ нашемъ изслѣд. (Р. Стар. 1879, XXVI, 4—5).

IX.

Въ свое время мы касались этого вопроса и указали на одну неточность у А. С. Павлова[1]). Уже тогда было отмѣчено, что анаѳемствованіе, вошедшее въ употребленіе въ нач. XVI в., было взято изъ извѣстнаго подложнаго правила 5 вселен. собора «на обидящихъ святыя божія церкви», на которое ссылается и соборъ 1503 г.[2]). Впрочемъ есть спеціальное изслѣдованіе, посвященное означенному вопросу[3]), въ которомъ указаны и нѣкоторыя подробности, сюда относящіяся. Въ епархіяхъ были особые чины въ употребленіи; но уже въ 1749 г. Синодъ обратилъ вниманіе на эти отличія и поручилъ исправить «чинъ» еп. колом. Гавріилу, который сдѣлалъ сообразныя времени многія сокращенія, а когда въ 1753 г. изъ Москвы спрашивали, какъ совершать этотъ чинъ, то Синодъ распорядился, чтобы «дѣйство совершалось по ново-исправленному чину»[4]), и хотя не видно, чтобы это распоряженіе разослано было по всѣмъ епархіямъ, однако имѣются рукописные чины псковской и вологодскій, вполнѣ согласные съ чиномъ, исправленнымъ еп. Гавріиломъ. Отъ предъидущихъ чиновъ особыми анаѳематствованіями отличались соловецкій и ростовскій. Послѣдній 1642 г. полнѣе соловецкаго: послѣ упоминанія еретиковъ и обидящихъ вообще церкви, въ частности въ немъ говорится объ обидящихъ ростовскія церкви и т. д. Мы не станемъ приводить пунктовъ отлученія, бывшихъ въ ростов. спискѣ, и добавленій, сдѣланныхъ прилично случаю, въ 1763 г. (они указаны въ нашемъ изслѣдованіи и у автора, с. 105), въ смыслѣ распространенія на обидящихъ храмы и мѣста святыя, какъ крайнихъ враговъ божіихъ и чрезъ то истребляющихъ дѣло безкровной жертвы воплощенія Христова, примѣненныхъ при весьма торжественной и внушительной обстановкѣ, въ чемъ тогда Синодъ увидѣлъ прямыя указанія на современныя событія, какъ и въ донесеніи Арсенія, въ которомъ онъ

---

1) Р. Стар., XXVI, 5—6.

2) Павловъ, Оч. секул. церк. им. 50—51.

3) К. Никольскій, Анаѳематствованіе, совершаемое въ 1-ю недѣлю вел. поста. Историческое изслѣд. о чинѣ православія, Спб. 1879; рец. прот. М. Горчакова, Отчетъ о XXIII присужд. Уваров. наградъ, 198—243 (Зап. Имп. Ак. Н., т. XXXIX, кн. II).

4) Еще въ 1751 г., дозволивъ исполнять въ этомъ году по прежней (старопечатной) «Постной тріоди» и на основаніи прежде учиненныхъ чинодѣйствій, Синодъ замѣтилъ: «употребя притомъ къ предосторожности крѣпкое и опасное наблюденіе, дабы надлежащаго и нужно потребнаго не было пропущено, *а излишняго и по настоящимъ обстоятельствамъ ненадобнаго отнюдь не было включено*». (К. Никольскій, с. 22—24). Нельзя думать, чтобы распоряженіе, данное Синод. конторѣ, не было извѣстно Арсенію, ибо, когда за его рѣзкіе отзывы въ доношеніи 1742 г. опредѣлено было объявить ему выговоръ, то Арсенія вызвали въ Москву въ Синод. контору, гдѣ онъ и далъ росписку въ выслушаніи послѣдняго (у автора, 76). Гавріилъ Кременецкій, еп. коломенскій, потомъ митр. кіевскій.

ссылался даже на Баронія, подробно излагающаго, какъ духовенство отстаивало на соборахъ свои права противъ франц. королей [1]). Авторъ съ одной стороны неосновательно умаляетъ значеніе этого факта, при всемъ желаніи возвеличить подвигъ Арсенія, примѣняя отлученіе имъ совершенное къ тѣмъ обычнымъ анаѳемствованіямъ, которыя онъ совершалъ раньше противъ отдѣльныхъ лицъ и относя даже настоящее «отлученіе ближайшимъ образомъ къ тѣмъ же необузданнымъ дворянамъ», снисходительно прибавляя, что «другихъ средствъ борьбы съ ними у него не было» (106—107). Но современники иначе судили объ этомъ актѣ [2]). Во-вторыхъ, совершенно неожиданно авторъ замѣчаетъ: «Прот. М. Діевъ почему-то увѣряетъ, что Арсеній во все свое архіерейство положенной церемоніи не исполнялъ, а отправилъ оную только въ 1763 г. съ извѣстною прибавкою. Изъ дѣла же объ Арсеніѣ объ этомъ не видно» (107). Между тѣмъ, въ нашемъ изслѣдованіи было приведено выраженіе изъ «слѣдственнаго дѣла», въ которомъ сказано, что Арсеній «церемоніи оной никогда не чинилъ, а только въ семъ году отправлялъ, какъ предъ собраніемъ словесно объявлялъ» [3]). И въ такомъ смыслѣ составленъ былъ указъ Синода 22 апр. 1763 г. [4]). Вотъ почему въ 1766 г., въ предотвращеніе могущихъ послѣдовать подобныхъ отступленій, Синодъ потребовалъ высылки чина отлученія изъ всѣхъ 31 епархіи, письменныхъ и печатныхъ, «всѣхъ безъ остатку», подвергнулъ его новому разсмотрѣнію и, по одобреніи императрицей, вводилъ въ общее употребленіе [5]). Поэтому, фактъ, что Арсеній не совершалъ до того времени обычнаго обряда, за исключеніемъ случаевъ, имѣвшихъ для него спеціальный интересъ, могъ играть важную роль въ его осужденіи.

Въ разсматриваемомъ дѣлѣ встрѣтились двѣ противоборствующія силы: представитель церкви, ратовавшій за всю полноту епископской власти [6]), и носительница власти свѣтской, не признававшая «двоевластія»—

1) См. наше изслѣд., 6, 11.

2) Лѣтопись о ростов. арх., которая соединила только событія 1763 и 64 гг., очевидно по памяти. Нѣкоторые же изслѣдователи протестъ Арсенія называютъ просто «казацкой грубостью». (Акты и докум. Кіев. дух. акад. III, с. V).

3) См. наше изслѣд., стр. 6, примѣч.; ср. День, 1864, № 39, с. 6. Указъ о приговорѣ надъ Арсеніемъ съ приведеніемъ означеннаго мѣста разсылался во всѣ консисторіи (см. Акты и докум. Кіев. дух. акад., III, 39—42).

4) К. Никольскій, 44, 170—181, 224; Чтен. въ Общ. ист. 1875, I, 133.

5) К. Никольскій, 45—53, 17). Объ отобраніи всѣхъ ростовскихъ «чиноположеній отлученія» имѣется «дѣло арх. Синода», 23 листа, 1763 г., № 91, 290, 293 (ib. 171). О «чинѣ» и «молитвѣ» Арсенія (ibid., 171—172).

6) Касалось ли дѣло вопроса о церк. имуществахъ или тяжбы изъ-за земли съ свѣтскими владѣльцами, Арсеній всегда выставлялъ на видъ неприкосновенность арх. власти (у автора, 125, 141). Такъ протестъ его и понимается изслѣдователями, широко ставившими вопросъ (Пекарскій, Чистовичъ, Ростиславовъ, Морошкинъ); ср. Соврем. лѣт. въ Рус.

этотъ пунктъ и является въ ея замѣчаніяхъ объ Арсеніѣ преобладающимъ, а отсюда и ея личное раздраженіе, поддержанное впослѣдствіи (1767) противъ него еще сомнѣніями въ ея правахъ. Раздраженіе это напоминаетъ намъ подобное же столкновеніе въ концѣ ея царствованія съ Радищевымъ, который набросилъ тѣнь на ея заботы о благополучіи народа. Странно, однако, въ изслѣдованіи встрѣчать рядъ «предсказаній» Арсенія своимъ противникамъ (47) до Екатерины II включительно (скабрёзнаго характера), безъ сомнѣнія выражавшихъ чувства не самого Арсенія (ибо мнимыя предсказанія сбылись долго спустя независимо отъ Арсенія), сколько его почитателей, когда подобрать случившіеся факты было, конечно, легко. Въ такомъ случаѣ автору оставалось быть послѣдовательнымъ: привести и «anathema», произнесенное (во снѣ) на латинскомъ языкѣ «устами отцевъ церкви» за расхищеніе церковныхъ имуществъ близкимъ по духу Арсенію митр. тоб. Павломъ (1768), и указать на судьбу, напр., тѣхъ построекъ, которыя перешли отъ монастырей къ свѣтскимъ владѣльцамъ: когда одинъ изъ такихъ покупщиковъ приступилъ къ разломкѣ каменныхъ строеній, то кирпичи никакъ не хотѣли отдѣляться и подрядчикъ понесъ убытки, не смотря на невысокую цѣну, за которую онъ купилъ эти зданія[1]). Едва ли не справедливѣе заключеніе другаго изслѣдователя[2]), который, указавъ на жестокія расправы Арсенія съ подчиненнымъ духовенствомъ и отлученія, наложенныя имъ на презрителей его власти по личному усмотрѣнію, высказалъ сомнѣніе, чтобы Промыслъ избралъ его сосудомъ благодати, чрезъ который изливались бы пророчества и чтобы его слѣдовало, при всей необычайной «суровости понесеннаго имъ наказанія», ставить наравнѣ съ

Вѣстн. 1862, № 49: «Протестъ Арсенія Мацѣевича и послѣдняя судьба его», гдѣ замѣчено, что Синодъ заключеніе свое остановилъ не на частныхъ замѣчаніяхъ протеста, противъ которыхъ трудно сказать что-либо вполнѣ уважительное, а на общей мысли, осудивъ самый фактъ — сопротивленіе распоряженіямъ верховной власти».

1) Источникъ ростовскихъ легендъ объ Арсеніѣ его секрет. Ив. Волковъ (Ист. Вѣстн. 1887, XXVIII, № 5, с. 425).

2) Опытъ изслѣд. о имущ. и доходахъ монастырей, Спб. 1876, с. 64—65. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ «и самъ не вѣритъ въ выходки Арсенія, какъ представляются онѣ почитателями» (136). Въ назначеніи Арсенію (въ ссылкѣ) ежедневнаго пропитанія въ 50 к. (182 р. 50 к. въ годъ) о. Поповъ видитъ «скудное содержаніе» и объясняетъ таковое «личной враждой» Екатерины II (186); но здѣсь опять слѣдуетъ имѣть въ виду цѣнность тогдашнихъ денегъ, тогда окажется оно весьма достаточнымъ. Между тѣмъ, по дѣлу о заключеніи Арсенія въ Ревелѣ, онъ признаетъ, что содержаніе въ 10 к. не такъ скудно, какъ можетъ казаться въ наше время; другіе колодники получали всего по 2 к. (ср. текстъ на стр. 244 и прим.). Комендантъ доносилъ, что нѣтъ надобности увеличивать сумму до 15 к., такъ какъ арестантъ содержаніемъ доволенъ (245), и Екатерина писала: «мои намѣренія, чтобъ онъ нужду не терпѣлъ». Для него и въ Корельск. мон., и въ Ревелѣ записывался странный расходъ — покупка трубки и табаку (185, 245), что́ не обнаруживаетъ въ Арсеніѣ тѣхъ аскетическихъ понятій, о которыхъ такъ любитъ распространяться авторъ. Онъ потчивалъ (въ Корельск. мон.) окружающихъ виномъ или водкою.

мучениками, пострадавшими за христіанскую вѣру. Поэтому мы не считаемъ и рѣшающими дѣло въ его судьбѣ исключительно дѣйствія его духовныхъ противниковъ (165). Если переписка духовныхъ лицъ съ Арсеніемъ могла быть скрыта при просмотрѣ его судьями (149—150), во избѣжаніе дальнѣйшихъ послѣдствій, то едва-ли эта сторона дѣятельности Арсенія, какъ представителя всей оппозиціи, укрылась отъ Екатерины. Конечно, оберъ-прокуроръ не менѣе другихъ былъ посвященъ въ эти тайны. И, какъ мы видѣли, Екатерина о нихъ знала.

X.

Въ двухъ послѣднихъ главахъ II-ой части (8-ой и 9-ой) авторъ даетъ нѣсколько подробностей о дѣятельности духовной коммиссіи и секуляризаціи монастырскихъ имуществъ, по архивнымъ источникамъ (156—182), въ связи съ дѣлами, возникшими на почвѣ процесса Арсенія и отобранія имуществъ (дѣла архим. Ѳеофилакта и Геннадія; послѣднее было ранѣе извѣстно, 177—182)[1]. Можно было бы здѣсь подробнѣе коснуться дѣла (114) игум. Ѳеофана Леонтовича, о которомъ имѣются свѣдѣнія въ литературѣ[2]. Напрасно авторъ старается настаивать на «подлинности» рѣчи Екатерины II въ обращеніи къ Синоду (172—174). Самое появленіе ея въ печати значительно позже случившихся событій (1773), притомъ въ иностранныхъ изданіяхъ, свидѣтельствуетъ о принадлежности ея къ области полемической или публицистической литературы[3], которая въ XVIII в. представляетъ намъ не мало примѣровъ на излюбленныя темы въ формѣ діалоговъ, загробныхъ рѣчей и т. п. произведеній. Сюда относится завѣщаніе Петра В., о которомъ существуетъ рядъ изслѣдованій. Нѣкоторые считаютъ апокрифической статьей и рѣчь Екатерины II къ Сенату[4]. Къ числу подобныхъ же произведеній принадлежитъ завѣщаніе Екате-

1) Выраженіе Ѳеофилакта освѣщаетъ причину недовольства въ этомъ случаѣ: «чувствуетъ онъ неудовольствіе по поводу отношенія крестьянъ потому, что управлять крестьянами *вошло въ привычку*. Въ гостяхъ *у дворянъ*, будучи въ веселыхъ мысляхъ, онъ говаривалъ, что *Богъ будетъ судить ея величество*: если Грецію за непочитаніе духовного чина наказана, такъ и теперь Богъ не можетъ оставить этого безъ наказанія» (179—180).

2) Чистовичъ, Оч. ист. о церкви, II, 173—174 (по арх. Синода) и Голубевъ, Матерьялы для ист. церкви Ю. З. Руси (Чт. въ Общ. Нест. лѣт. IX и X (кас. предъид. его дѣят.).

3) Если она была написана только «для Екатерины II», то неумѣстно заглавіе: «говоренная ею къ Синоду по случаю отчужденія церк. имуществъ въ Россіи» (172). «Блистательность по замыслу и эффектъ по рѣзкости выраженія» можетъ соблазнять лишь любителей краснаго слова (см. у Ѳ. В. Благовидова, Об. прок. св. Синода XVIII стол., стр. 220), какимъ былъ одинъ изъ авторовъ «Екатерины II». Гораздо проще было бы сдѣлать архивную справку, вѣдь не обошлось бы безъ какого либо слѣда въ дѣлахъ Синода.

4) Брикнеръ, Іоаннъ Антоновичъ и его родственники, 133.

рины II своему преемнику по случаю политическихъ событій во Франціи, извѣстное въ рукописяхъ[1]). Дѣло Арсенія, въ свою очередь, оказало вліяніе на судьбы церковной іерархіи въ Россіи. Вскорѣ послѣ (16 іюня 1763 г.) рѣшенія его участи бѣлгор. еп. Іоасафъ Миткевичъ (также ученикъ Кіев. акад.), сообщивъ слухъ о возможномъ прощеніи осужденнаго, писалъ далѣе неизвѣстному лицу: «Бѣда, да горе! Всы теперь *малороссіяне* вездѣ въ крайнемъ презрѣніи. Самые честные люди остаются съ нашыхъ, а въ Тверъ и во Владимеръ промованы, которіи еще и недавно монахами *съ русскихъ*, однакъ добріе люди и достойные. Сіе по прочетѣ прошу *сжечь*; а я, разсуждая теперъ пребѣдное отечества состояніе, плачу и воздихаю. Господи помилуй. Его святой милости и васъ и себе вручаю»[2]).

Вся III-я часть изслѣдованія Г. Попова посвящена «дѣлу о разстригѣ Арсеніѣ» по слѣдственнымъ дѣламъ (см. выше). Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать широкое пользованіе этими дѣлами о. Поповымъ. Ссылки его на трудъ И. Я. Морошкина идутъ изъ страницы въ страницу, представляя по мѣстамъ нѣкоторыя дополненія изъ дѣла и другихъ источниковъ, какъ матеріалы, ранѣе напечатанные. Такимъ образомъ онъ имѣлъ здѣсь надежнаго руководителя; но дѣлаетъ по мѣстамъ и поправки (200, 203, 231). Поэтому мы не станемъ касаться подробностей самаго процесса, какъ обстоятельно изложеннаго у Морошкина и автора. Не смотря на строгость инструкціи (209, 223), Арсеній пользовался значительной свободой[3]); почитатели его вмѣстѣ съ вещами переслали ему нѣкоторыя принадлежности архіер. сана (панагію, бѣлый клобукъ, орлецы); въ монастырѣ, куда онъ былъ сосланъ (Корельскомъ Николаевскомъ), ему оказывали почтеніе; его охотно посѣщала братія и постороннія, наѣзжавшія лица (монахи брали у него благословеніе, 202; пріобщался онъ какъ священнослужитель, ib.); онъ сталъ говорить проповѣди (то по книгѣ, то наизусть), причемъ служащіе стояли передъ нимъ въ ризахъ, какъ передъ архіереемъ (192—193), и архим. (Антоній) хвалился передъ посторонними лицами, что Арсеній человѣкъ ученый и «мастеръ проповѣди сказывать»[4]), чѣмъ еще болѣе привлекалъ вниманіе къ нему[5]). Но Арсеній былъ болтливъ, а лица,

1) О немъ упоминаетъ м. Евгеній въ письмахъ къ Анастасевичу (Р. Арх. 1889, № 6, с. 167). Намъ извѣстенъ списокъ изъ бумагъ архіеп. казан. Антонія.

2) Акты и докум., относ. къ ист. Кіев. акад., III, 1906, с. 43—44. Объ Іоасафѣ Миткевичѣ см. т. I, 41, 63, 97, 108, 124, 141; II, 267.

3) При этомъ напрасно авторъ дважды упоминалъ о колодѣ, бывшей въ его казематѣ (183, 231); къ Арсенію она не имѣла прикосновенности. Нисколько не смягчаетъ суровости приговора и настойчивая защита (225, 229).

4) Архим. называлъ его — «преосвященнымъ» (190) и самъ Арсеній разсчитывалъ на возвращеніе сана (223).

5) Корельскіе монахи были недовольны по случаю отнятія имущ.; у нихъ взяты были всѣ земли, 626 д. крестьянъ (195—196).

окружавшія его, не стояли высоко въ нравственномъ отношеніи: «архим. Антоній и вся братія Никольскаго корельскаго мон. — пьяницы», показывалъ самъ Арсеній, и доносы на него сдѣланы были, по его мнѣнію, съ цѣлью «выжить его изъ монастыря, а имъ свободнѣе пить» (193), и такими же качествами отличались его посѣтители (194, 199, 200, 221 и др.), которыхъ онъ поддабривалъ «водкой». На подобной почвѣ и возникло второе дѣло Арсенія: доносы, сплетни, слухи составляютъ главный его матеріалъ; но оно выяснило, не говоря о послабленіяхъ, сдѣланныхъ Арсенію (192, 194), что его бесѣды вращались въ кругѣ современныхъ событій (кар. офиц. передавалъ ему газеты) и касались: незаконности суда надъ нимъ, выбора короля въ Польшѣ (193), слуховъ о бракѣ Екатерины II съ Гр. Орловымъ, незаконности ея правъ (204, 205) на престолъ (бракъ по родству съ Петромъ III, Павелъ Петровичъ), суда по дѣлу принца Ивана Антоновича (съ подозрѣніемъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ «большихъ господъ»)[1]), правъ на престолъ его братьевъ (188, 190, 210, 221, «царское колѣно»), причемъ онъ ссылался на предсказанія въ ж. Кирилла Новоезерского о двухъ юношахъ, которые должны царствовать въ Россіи и завладѣть Константинополемъ (191, 192, 208)[2]), болѣзни вел. кн. Павла Петр. и небреженія наслѣдниковъ престола (190, 191, 198, 201, 208), чтенія молитвъ (по внушенію Арсенія архимандритомъ) на обидящихъ церкви (206), подъ которыми онъ разумѣлъ, то раскольниковъ, то Синодъ и дворянство (217), посягнувшихъ на церк. имущества, по поводу чего онъ выражался, что въ Россіи духовенству жить гораздо хуже, чѣмъ «за туркомъ» (211, 227), и до конца вѣрилъ въ возвратъ церк. имуществъ духовенству (225), а окружающіе величали его (и онъ самъ вѣрилъ въ подобную роль) Іоанномъ Злат. (194, 195, 211, 214, 228). И здѣсь, какъ и въ судѣ надъ Арсеніемъ въ 1763 г., авторъ преимущественно ссылается на нравственныя качества лицъ, бывшихъ свидѣтелями по его дѣлу, и снова присоединяетъ указанія на постигшія впослѣдствіи ихъ бѣдствія (213, 220, 221, 256, 257 и д.), какъ бы въ интересахъ оправданія Арсенія. Можно пожалуй согласиться съ авторомъ, что Екатерина судила строго, даже, какъ мы ранѣе высказывались, весьма сурово, Арсенія, какъ своего личнаго врага (229)[3]), не въ силу какой-либо антипатіи, но какъ оспаривавшаго

1) Нѣкогда самъ строгій судья, онъ говорилъ, что Мировича слѣдовало пытать (212). Въ дѣлѣ же Арсенія Екатерина запретила употреблять пытку.

2) Любопытно сопоставить эти пророчества съ замѣчаніями Крижанича о томъ же житіи (см. ст. М. И. Соколова въ Ж. М. Н. Пр. 1891, № 5, с. 64—66).

3) Въ указѣ по этому дѣлу припоминалось, что еще прошедшаго 1762 г. (въ доношеніяхъ Синоду) онъ оказывалъ ея величеству крайнюю ненависть и злобу, которая еще укрѣпилась ложною святостью и природною гордостью и т. д. (Р. Стар. XLVI, 54—55).

ея права, къ которымъ она тогда такъ щекотливо относилась, признавая въ тоже время впечатлѣніе его дѣла на умы въ извѣстной средѣ, почему она испещрила его показанія своими замѣтками, какъ потомъ—Радищева.

Въ своихъ отвѣтахъ Арсеній иногда противорѣчилъ себѣ (190, 200, 203, 205, 209, 210, 211, 213, 217, 223) и не разъ мѣнялъ свои показанія, но его свидѣтелей авторъ выставляетъ вообще или людьми недобросовѣстными, или хитрыми (см. выше), тогда какъ желаніе уклониться отъ непріятнаго дѣла представляется вполнѣ естественнымъ. Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ автора, что «выше всѣхъ стоялъ въ этомъ отношеніи самъ обвиняемый» (225). Прибавимъ, что по дѣлу Ивана Антоновича онъ ссылается на «исторіи» (190 и д.) Бильбасова и Костомарова (разсказы), но съ бо̀льшимъ правомъ авторъ могъ бы воспользоваться монографіей Брикнера: «Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники» (М. 1874).

XI.

Обратимся къ болѣе рискованному, хотя и рѣшительному выводу автора. На стр. 234-ой онъ говоритъ: «Екатерина II не могла скрыть и отъ своихъ западныхъ сосѣдей, что секуляризація церковныхъ имѣній—*одно изъ неудавшихся по своимъ предполагаемымъ послѣдствіямъ и самое непопулярное* изъ ея предпріятій. Въ Европѣ знали, что ея рѣшеніе вопроса о церковныхъ имѣніяхъ *составляетъ больное мѣсто русской императрицы, всегда старавшейся угодить народу.* Во время войны съ Швеціей, король шведскій *съ умысломъ спрашивалъ пастора съ Березовыхъ острововъ:* «въ цѣлости ли сосудъ, въ 1777 г. данный въ церковь королемъ?» Екатерина не безъ досады на сообщеніе отвѣчала: «развѣ онъ думаетъ, что я сосуды изъ церквей отбираю»?[1]). Во-первыхъ, автору слѣдовало бы обратить вниманіе, что вопросъ короля Густава III относится ко времени шведской войны (1790), когда дѣло о церков. имуществахъ давно отошло въ область исторіи, а король, вызвавъ пастора, во время стоянки флота у острововъ, просто поинтересовался узнать о своемъ подаркѣ: умысла тутъ никакого не было. Во-вторыхъ, по вопросу о церк. имуществахъ можно быть разныхъ мнѣній, но необходимо держаться при обсужденіи его историческихъ явленій, фактическихъ данныхъ, а въ этомъ отношеніи заключенія автора не выдерживаютъ самой снисходительной критики. Тѣмъ легче намъ оспаривать его точку зрѣнія на это дѣло, что въ его рукахъ были данныя, сообщаемыя въ извѣстномъ изслѣдованіи В. И. Семевскаго,

1) См. Дневникъ Храповицкаго, с. 335 (изд. Н. Барсукова).

которымъ онъ пользовался, но не принялъ ихъ во вниманіе, отчего послѣдовали и дальнѣйшіе неправильные выводы. Между тѣмъ, на этомъ инцидентѣ онъ построилъ всю VI-ую главу, озаглавивъ: «Народная молва объ Арсеніѣ».

Такъ, онъ здѣсь говоритъ: «Арсенія боялись и осужденнаго. Сочувствіе народа къ Арсенію ясно показывало, что русскіе недовольны отнятіемъ у церкви вѣковой ея собственности *и что дѣйствія правительства въ этомъ отношеніи шли въ разрѣзъ съ народною* настроенностью. Для человѣка русскаго непонятно было, почему церковныя имѣнія берутъ отъ церкви, которая приняла ихъ съ отвѣтственностью чинить поминовеніе и ставить кормы бѣднымъ?[1]). Онъ недоумѣвалъ, какъ можно отдавать подъ казармы церковныя зданія (распоряженіе 1765 г., отмѣненное), столько вѣковъ служившія дѣлу благочестія?.. Народъ въ недовольствѣ своемъ несознательно шелъ на защиту 24 прав. IV вселен. соб. и 49 прав. VI вселен. соб., которыя предписываютъ не допускать, чтобы монастырскія зданія обращались въ мірскія жилища[2]). Съ точки зрѣнія философской — секуляризація церковн. имуществъ была тогда дѣломъ моднымъ, но какъ *актъ управленія народомъ, склоннымъ къ обрядовому благочестію*, она была несправедливостью. Такая упорная настроенность тревожила императрицу и раздражала ее тѣмъ, что народъ не могъ понять ее. Еще болѣе раздражало ее недовольство духовенства, нерѣдко выражавшееся въ нескрываемомъ сочувствіи дѣлу Арсенія Мацѣевича. *Народные легендарные слухи о немъ явно поддерживались духовенствомъ.* Наравнѣ со списками обоихъ доношеній его въ Синодъ, распространялись *въ народѣ особые листки о страданіяхъ его, невинности и вдохновенномъ прозрѣніи, писавшіеся, по всѣмъ признакамъ въ монашескихъ кельяхъ*» (233—234)[3]). Затѣмъ авторъ

---

1) Здѣсь ссылка на А. С. Павлова (Секул. церк. имѣній); но такое мнѣніе могло служить предметомъ спора въ XVI вѣкѣ и сюда не относится.

2) Думаемъ, что такихъ мыслей даже въ «несознательномъ» видѣ народу приписывать нельзя, какъ равно какія-либо каноническія тенденціи въ защитѣ церковныхъ зданій франц. крестьянами, по поводу ихъ отобранія. Здѣсь можетъ говорить только непосредственное чувство. Что же касается благотворительныхъ цѣлей, то монастыри въ XVIII в. всячески отъ нихъ отбивались и уклонялись.

3) Авторъ прекрасно знаетъ (см. стр. 216), что сказанія объ Арсеніѣ передавались изъ устъ въ уста и списывались. Благодаря этому, появились потомъ разсказы о немъ въ печати (Зритель, Чт. въ Общ. ист.; Р. Вѣстн. 1862, іюль, 21—23, Прогулка въ Н. Новгородъ, М. И. Семевскаго; авг. кн. II, 412—413; Ист. Вѣстн. 1887, XXVIII, 475; 1888, т. XXX, с. 257; Опис. рукоп. И. А. Вахрамѣева, III, 131, 406; Сборн. Щукина, III, 344—346; Стар. и Новизна, VI, 216—242; Проток. Общ. древн. письм. за 1872—93, с. 21; Р. Стар. 1878, т. X, 778; 1872, т. XXVI, 197—198), но всѣ они варіаціи на одну и туже тему. Уже вскорѣ послѣ осужденія Арсенія, какъ доносилъ голланд. посл. Мейнерцгагенъ, обнаружилось почитаніе его (Ист. Вѣстн. 1884, XVIII, 14), которое и поддерживалось въ духовной средѣ, преимущественно высшей (Р. Арх., 1901, № 1, переписка; Труды Перм. Арх. ком., в. VI, 69—70). И

говоритъ о плохомъ употребленіи отобранныхъ имѣній, о запущеніи земель, заводовъ, монастырскаго хозяйства, по свидѣтельству кн. Щербатова; говоритъ, что сами крестьяне далеко не всюду желали освобожденія отъ натуральныхъ повинностей на монастыри и т. п.; что отнятіемъ деревень отъ церкви недовольны были и дворяне, такъ какъ видѣли упадокъ хозяйства въ бывшихъ церк. вотчинахъ (кн. Щербатовъ)... Упорные толки въ народѣ показывали, что Арсенія почитали святымъ и невиннымъ страдальцемъ... *Очевидно никто не вѣрилъ* въ преступленіе Арсенія въ оскорбленіи ея велич.; напротивъ, всѣ считали его обиженнымъ за честное стояніе въ церковномъ дѣлѣ (235—241).

Замѣтимъ, что по вопросу о легендахъ авторъ самъ неоднократно упоминаетъ, что онѣ составлялись и писались въ «монашескихъ кельяхъ», что «народные листки» были всѣ на одну и туже тему, что они дополнялись и слухами, которые поддерживались недовольнымъ духовенствомъ (стр. 153, 234, 235, 236, 237). Отсюда ясно, насколько ихъ можно считать выраженіемъ народнаго недовольства. Во-вторыхъ, народъ на дальнемъ сѣверѣ не зналъ о прежней дѣятельности Арсенія въ Тобольскѣ и Ростовѣ; онъ чтилъ въ немъ, какъ несчастнаго, подобно Ивану Антоновичу, Мировичу и др. Извѣстно, какъ трудно поддаются опроверженію народные слухи и легенды, хотя бы о томъ же Арсеніѣ, какъ о сосланномъ въ Сибирь и тамъ погребенномъ, гдѣ его и чествуютъ[1]), или, напр., неперестающія повторяться легенды объ извѣстномъ Ѳедорѣ Кузмичѣ, мнимомъ Александрѣ I. Точно такъ же чествуется и Арсеній Верхнеудинскій, сосланный въ Сибирь за нравственную провинность (у автора 258, 260—261), въ лицѣ котораго смѣшались представленія о двухъ Арсеніяхъ: легенды, какъ извѣстно, не считаются съ географіей! Уже однообразіе самыхъ легендъ свидѣтельствуетъ объ ихъ общемъ происхожденіи.

хотя еще Устряловъ, на основаніи знакомства съ подлиннымъ дѣломъ (Др. и Н. Рос. 1877, I, 35), утверждалъ, что Арсеній умеръ въ Ревелѣ, и не смотря на многочисленныя подтвержденія того въ позднѣйшее время (см. наше изслѣд.), и въ оффиціальныхъ изданіяхъ можно встрѣтить смѣшеніе двухъ Арсеніевъ узниковъ — ревельскаго и верхнеудинскаго (Списки архіереевъ росс. іерархіи, № 62). Въ 60-хъ годахъ думали даже, что Арсеній умеръ въ Шлиссельбургѣ (Р. Вѣстн., 1862, Совр. лѣт., іюль, кн. II, 21—23, Прогулка въ Н. Новгородъ, М. И. Семевскаго). Съ своей стороны, можемъ увѣрить автора, что въ Юго-западной (и вѣроятно СЗ.) Россіи имя Арсенія Мац. мало извѣстно; на сѣверѣ оно, какъ видно, привлекало, вниманіе, благодаря таинственности узника; въ Сибири память о немъ поддерживалась почитаніемъ другого Арсенія, а на мѣстѣ о немъ передавались самыя разнорѣчивыя извѣстія (Ростиславовъ, с. 60).

1) См. литературу этого вопроса въ нашемъ изслѣд.; ср. еще Каталогъ рук. по церк. исторіи въ библ. Моск. арх. ин. дѣлъ, И. Токмакова, 12; Библ. Межова 1859—64, с. 244—245; Ист. Вѣстн. XVII, 370; XVIII, 14; т. XIX, 726—727; 1887, т. XXX, 247; Чт. въ Об. ист. 1881, III (восп. Артынова), 125—132; Прот. Общ. люб. древн. письм. 1892—93, с. 21; Р. Арх. 1901, с. 41—44.

XII.

Перейдемъ къ вопросу о положеніи монастырскихъ крестьянъ. Обстоятельныя изслѣдованія этого вопроса, появившіяся въ послѣднее время, показываютъ, что устраненіе контроля свѣтскихъ властей развязали руки духовнымъ лицамъ и вскорѣ обнаружились уже печальныя послѣдствія возвращенія къ прежнему порядку. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ барская запашка была гораздо значительнѣе; но количество другихъ поборовъ и повинностей было, повидимому, умѣренное. Въ монастыряхъ и архіер. домахъ были своего рода помѣщичьи дворни; не говоря о наказаніяхъ, которымъ крестьяне, какъ видно изъ ихъ жалобъ, подвергались не въ меньшей степени. Собственно монастырской пашни приходилось на душу небольшое количество, между тѣмъ, послѣ секуляризаціи церк. вотчинъ въ пользованіи крестьянъ оказалось значительное количество пахотныхъ земель. Исполняя же различныя повинности въ пользу монастырей, церквей и архіереевъ, крестьяне не освобождались отъ государственныхъ тягостей, и жалобы крестьянъ на бѣдственное свое положеніе, по изслѣдованію свѣтскихъ властей, признавались справедливыми и т. д. Вопросъ о секуляризаціи дух. имуществъ имѣлъ до того свою исторію и прецеденты. Вотъ почему Екатерина II, «какъ искусный дипломатъ», не могла не считаться съ такимъ положеніемъ вещей. Послѣ 1762 г. положеніе крестьянъ многихъ церк. вотчинъ сдѣлалось еще тяжелѣе, вслѣдствіе неопредѣленности, и возникшія вновь волненія ясно указывали на невозможность возвращенія къ прежнему порядку. Недовольство въ извѣстной части общества послѣ секуляризаціи имуществъ справедливо сравнивается съ подобнымъ же недовольствомъ послѣ освобожденія крестьянъ въ 1861 г. «Нѣтъ никакихъ основаній думать, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей, что секуляризація дух. имѣній при Екатеринѣ II совершена въ ущербъ крестьянамъ «не съ цѣлью освобожденія». Упрекъ, дѣлаемый Екатеринѣ, будто она отняла имѣнія у великороссійскихъ монастырей, чтобы раздать ихъ въ частныя руки, несправедливъ. Іереміады кн. Щербатова оказываются преувеличенными; напротивъ, положеніе крестьянскаго хозяйства послѣ секуляризаціи значительно улучшилось. На это есть и «краснорѣчивый отвѣтъ»: «въ 1750-хъ и нач. 1760-хъ гг. крестьяне безпрестанно волновались, а послѣ 1764 г. намъ неизвѣстно почти ни одного случая волненія». И въ 1780-хъ годахъ, по нѣкот. свидѣтельствамъ, экономическіе крестьяне жили зажиточнѣе помѣщичьихъ даже въ губ., занимавшихъ среднее мѣсто по размѣру надѣловъ (какъ Твер. губ.). Поэтому поводу историкъ даннаго вопроса говоритъ: «Секуляризація дух. имѣній составляетъ одно изъ

самыхъ лучшихъ дѣлъ Екатер. царствованія, хотя она и должна раздѣлить честь энергической постановки этой реформы съ импер. Петромъ III. Надъ Екатериной долго тяготѣло обвиненіе, что она отобрала имѣнія у духовенства, чтобы раздать ихъ своимъ любимцамъ и вообще дворянамъ. Пересмотрѣвъ всѣ отдѣльные указы о пожалованіи населенныхъ имѣній, мы убѣдились, что это обвиненіе неосновательно: экономическіе крестьяне вовсе не давались въ пожалованіе... Екатерина обнаружила въ этомъ случаѣ замѣчательный тактъ, очевидно предвидя возможность тѣхъ упрековъ, которые ей дѣлали впослѣдствіи совершенно неосновательно (авторъ дѣлаетъ здѣсь между прочимъ сравненіе этого дѣла съ положеніемъ того же вопроса въ Англіи и Франціи). Повторяю: секуляризація духовн. имѣній была великая и благодѣтельная для крестьянъ реформа: бывшія экономическія вотчины составили, по крайней мѣрѣ въ Великороссіи, весьма значительную часть государственныхъ волостей и если въ настоящее время оказывается, что государственные крестьяне владѣютъ земельными надѣлами весьма превышающими надѣлы бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, то этимъ очень многіе изъ нихъ обязаны тому, что въ основу реформы 1764 г. были положены весьма разумные принципы»[1]).

Столь же неосновательно поступилъ авторъ и въ оцѣнкѣ дѣятельности «Коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ», не смотря на то, что въ его распоряженіи были вполнѣ надежные источники. И здѣсь мы опять укажемъ на одно изъ позднѣйшихъ изслѣдованій по данному вопросу, притомъ основанное на тѣхъ же документахъ о дѣятельности коммиссіи, которыми пользовался и авторъ разсматриваемаго труда[2]). Онъ признаетъ, что въ уступкѣ Елисаветы Петровны въ пользу прежняго надзора были свои основанія. «Мнѣніе свѣтской стороны (былъ рядъ столкновеній Синода съ Сенатомъ по этимъ дѣламъ) естественно должно было возобладать потому, что въ пользу этого мнѣнія *говорили многія ясныя обстоятельства.* Старый вопросъ о призрѣніи военныхъ, не смотря на большую переписку, оказывался неразрѣшимымъ одними палліативами. Послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ войнъ государственное казначейство крайне нуждалось въ средствахъ, и на покрытіе неизбѣжныхъ расходовъ приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Строгое осужденіе монастырскихъ крестьянъ за

1) В. И. Семевскій, Крестьяне въ цар. импер. Екатерины II, Спб. 1901, II, стр. 194—294, особенно стр. 201, 207, 210—211, 218, 223, 237, 239, 242, 255, 265, 275—277, 279, 282—283, 285—286. Въ послѣднее время назв. вопросъ разсмотрѣнъ еще въ изслѣд. Л. Соловьева «Секуляр. церк. имуществъ въ Россіи при Екатеринѣ II» (Учено-богослов. опыты студ. Кіевск. акад., кн. IV, 1906).

2) А. А. Завьяловъ. Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ въ царств. импер. Екатерины II, Спб. 1900 (также Христ. Чт. за 1899 г.).

самоволіе и досажденіе нисколько не помогало дѣлу. Одна за другою поступали жалобы крестьянъ на притѣсненія и обиды со стороны духовныхъ властей и ихъ агентовъ»[1]). Недоимки по духовн. имѣніямъ изъ года въ годъ увеличивались. Тотъ же изслѣдователь по данному вопросу замѣчаетъ, «что имѣющая въ настоящемъ случаѣ важное значеніе табель, поданная 1 янв. 1762 имп. Петру III, своими внушительными цифрами говорила объ одномъ, что съ вотчинной реформой, какъ съ дѣломъ крупнымъ, нужно спѣшить». Настоятельность реформы была ясна и для Екатерины II. Вмѣстѣ съ тѣмъ нарождались вопросы объ учрежденіи и поддержаніи училищъ, о пропитаніи бѣдныхъ и увѣчныхъ. Достигнуть этого можно было выясненіемъ истинныхъ доходовъ отъ церк. имѣній, примѣняясь къ лучшему хозяйству свѣтскихъ помѣщиковъ, и учрежденіемъ опредѣленныхъ штатовъ содержанія, соотвѣтствующимъ установленіямъ на счетъ упомянутыхъ доходовъ[2]). Не менѣе важную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ внутренній церковный вопросъ — увеличеніе епархій (въ теченіе одного XVIII ст. ихъ открыто было 19, возобновлена 1 прежняя, и возникло нѣсколько викаріатствъ[3]). Уже имп. Анна неблагосклонно отнеслась къ стремленію ростов. архіереевъ сохранить свои доходы. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Завьяловъ, знаменитый впослѣдствіи архіерейскій ростовскій домъ, давшій матеріалъ для сужденій м. Арсенія, былъ осужденъ въ своихъ притязаніяхъ задолго до екатерининской реформы[4]). Далѣе, разсмотрѣвъ ходъ этого дѣла при Екатеринѣ II, тому же автору приходится уже говорить объ очевидной ея справедливости, почему она прошла прежде, чѣмъ описаны были вотчины посланными отъ коммиссіи офицерами; о плодотворности той же реформы для самой церкви (съ 1764 до к. XVIII ст. открыто 11 еп.), а однимъ изъ существенныхъ послѣдствій ея необходимо считать освобожденіе епархіальныхъ управленій отъ экономическихъ заботъ, въ интересахъ болѣе производительнаго и высокаго служенія дѣлу народнаго образованія (такъ открывалась возможность выполненія требованія Дух. реглам. о заведеніи дух. училищъ). Наконецъ, авторъ подробно гово-

---

1) Хр. Чтеніе 1899, № 8, с. 251—254.

2) Какъ только возникло дѣло о реформѣ, жалобы и просьбы полились рѣкой. Появились спеціальные составители ихъ и подложные указы. Начались судебныя дѣла, аресты, взысканія, челобитныя и лжечелобитныя. Объ отношеніяхъ монастыр. начальства къ крестьянамъ (Ист. Вѣстн. 1903, № 4, с. 332); Вяземскій архим. Ѳеодосій, Н. Н. Оглоблинъ (ibid., 1887, XXIX, № 7, с. 91—121).

3) Связь вотчиннаго строя епарх. управленія съ открытіемъ епархій выяснена въ трудѣ И. Покровскаго, Русскія епархіи, Каз. 1897.

4) «Въ Ростовѣ при м. Арсеніѣ богадѣленъ еще не было; тамъ думали, какъ и въ старину, что *все церковное богатство — нищихъ богатство*» (Поповъ, 23, пр. 2); а на дѣлѣ — такъ ли было? Напрасная иронія на счетъ мѣры, предложенной Екатеринѣ II (96, прим. 2).

ритъ объ упорядоченіи монастырской жизни, въ связи съ тою же реформою. «Общее направленіе дѣлъ и бунты въ монастырскихъ вотчинахъ побуждали торопиться съ дѣломъ», повторяетъ еще разъ тотъ же авторъ въ концѣ своего изслѣдованія[1]).

При такой постановкѣ вопроса, отрицательная характеристика членовъ коммиссіи, данная о. Поповымъ, теряетъ свое значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ важныхъ доводовъ въ защиту дѣла Арсенія Мацѣевича падаетъ самъ собою[2]). Весьма жаль, что авторъ не коснулся здѣсь, по связи съ процессомъ Арсенія, дѣла митр. тоб. Павла Конюскевича. Не смотря на рядъ доводовъ[3]), онъ продолжаетъ думать, что «м. Павелъ былъ удаленъ изъ Тобольска за сильный протестъ противъ дѣйствій правительства»[4]).

XIII.

Въ заключеніе авторъ касается 3-го дѣла Арсенія Мацѣевича, грозившаго ему новой опасностью, которое будто бы было «сожжено» (247—253); но всѣ эти предположенія, за отсутствіемъ данныхъ, не имѣютъ прочнаго основанія. Усиленіе надзора могло быть и результатомъ слуховъ: опасности побѣга, протеста Смолина, неспокойствія въ нѣкот. монастыряхъ, продолжавшихъ враждебно относиться къ отобранію церк. имуществъ: такъ, въ 1771 г. въ одномъ изъ выдающихся монастырей — Волоколамскомъ произошелъ мятежъ среди монаховъ и монастырскихъ служекъ изъ-за описи[5]), вызванный незначительными упущеніями. Но, какъ бы то ни было, въ общемъ все сказанное не даетъ права заклю-

---

1) Хр. Чт. 1899, № 9, с. 467, 469—471, 473, 479—482, 489, 497—500 (о Θеофанѣ Леонтовичѣ), № 11, с. 820—826, 831—834, 841; № 12, с. 1006—1016, 1023—1038.

2) Защитники этого дѣла, выступившіе подъ знаменемъ Арсенія Мацѣевича (Θеофилактъ, Геннадій, Θеофанъ Леонтовичъ), принадлежали къ той-же средѣ, или были люди, мистически настроенные (какъ Смолинъ). Θ. Леонтовичъ былъ сужденъ, между прочимъ, за имѣніе копіи доношенія Арсенія Мац. Оказалось, что оно было у многихъ въ рукахъ.

3) Терновскій (Чт. въ Общ. Нестора лѣт., I, 1879); наше изслѣд., Арсеній Мацѣевичъ Р. Стар., т. XXVI, 30—34); наша замѣтка о Павлѣ Конюскевичѣ, по поводу статьи г. Львова (Р. Стар. 1892, № 3, с. 697—905).

4) Судя по ссылкѣ на Чт. въ Общ. ист. 1870, II. Подробности управленія м. Павла выяснены въ статьяхъ о. І. Сырцова (см. выше) и бросаютъ свѣтъ и на дѣло Арсенія Мац. М. Павелъ поддавался вліянію «кровожаждущаго» архим. Іакинѳа, убитаго за свои притѣсненія по управленію Далмат. (Перм. г.) мон. (Свѣд. о немъ въ Перм. сборн. и Чт. въ Общ. ист. 1859, I).

5) Въ «Матер. для лѣтоп. Волокол. мон.» читаемъ: «дѣло, возникшее по случаю требованія архим. Варлаамомъ отъ казначея іером. Варлаама и ризнич. іерод. Германа составленія описныхъ книгъ монастыр. и церк. имущества, съ доносомъ архим. о возмущеніи братіи и штатныхъ служителей» (Чт. въ Общ. ист. 1887, II, смѣсь, с. 4 и 108). За монастыремъ числилось 11426 душъ крест. (ib. 117).

чать, что «Арсенія считаетъ своимъ вся Россія, что имя страдальца (несомнѣнно) не могли ничѣмъ заглушить въ народѣ и послѣ того, *какъ его великое, и взятое на одного себя, дѣло церковнаго достоянія*[1]), не увѣнчалось успѣхомъ: оно *повсюду* вспоминается съ любовью и съ благоговѣйнымъ удивленіемъ (авторъ приводитъ описаніе темницы, портрета и памятника), что память объ Арсеніѣ была *всегда* свѣточемъ не для однихъ простыхъ людей, но и для просвѣщенныхъ (называется одинъ И. В. Лопухинъ). Но самымъ лучшимъ памятникомъ Арсенію Мацѣевичу будетъ *простое* изложеніе дѣла его[2])... Изслѣдователи жизни замѣчательныхъ дѣятелей Россіи и историческихъ путей ея съ возрастающимъ вниманіемъ (?) склоняются надъ дѣломъ Арсенія Мац. и только тотъ изъ нихъ согласится съ пристрастными приговорами имп. Екатерины II, кто знакомится съ ними лишь по бумагамъ, написаннымъ подъ диктовку его враговъ» (?). Авторъ устраняетъ отсюда вопросъ о взглядѣ на право владѣнія крестьянами, какъ крѣпостническомъ принципѣ, но думаетъ, что ростов. митр. защищалъ общее узаконенное матеріальное положеніе духовенства противъ *новаго пришлаго направленія* (а бывшій примѣръ отъ Ивана III до Петра В. и далѣе?), которое перестало считать образованіе и благотворительность привилегіей церкви и религіозной потребности... Дѣло Арсенія Мац. отмѣчено удивительной для XVIII в. *широтою его взглядовъ* и *благородствомъ пріемовъ*, которые вполнѣ освобождаютъ его отъ обвиненія *«въ фанатизмѣ»*; наконецъ, авторъ доходитъ до такаго энтузіазма въ своей защитѣ, что, попрекнувъ въ отсутствіи подобныхъ чувствъ и качествъ у современныхъ ему іерарховъ, утверждаетъ, что «рѣдкое сочетаніе ничѣмъ непобѣдимой непреклонности убѣжденій среди тяжелыхъ многолѣтнихъ страданій за нихъ и защита церковнаго богатства при личной нестяжательности — выдѣляютъ Арсенія *изъ всѣхъ* современныхъ ему іерарховъ и равняютъ его съ беззавѣтными поборниками правды» (стр. 261—264).

Такъ заключаетъ о. Поповъ свой трудъ. Но пора и намъ кончить. Спора быть не можетъ въ томъ, что у Арсенія проявилась большая сила воли и духа, чтобы выдержать свою роль до конца, хотя по всей очевидности, онъ на такой исходъ, какой его постигъ, не разсчитывалъ. Видно это изъ того, что онъ все еще надѣялся на возвращеніе духовенству вотчинъ, а ему — прежняго сана. Такъ онъ могъ думать въ силу того, что насту-

1) Неужели авторъ полагаетъ, что и въ 1861 г. церк. вотчины должны были остаться на прежнемъ положеніи? Иначе онѣ не были бы «нерушимыми».

2) О. Поповъ приводитъ соображенія противъ тождества Арсенія Мац. и Арсенія Верхнеудинскаго (258—261).

пили вообще болѣе мягкія отношенія въ дѣлахъ внутренней политики. Несомнѣнно, что дѣло Арсенія стояло въ разрѣзъ съ этой послѣдней. Екатерина значительно выиграла бы въ глазахъ почитателей Арсенія и позднѣйшихъ изслѣдователей, если бы она отнеслась къ Арсенію хотя бы столь снисходительно, какъ она поступила съ Павломъ, митр. тобольскимъ. Съ внѣшней стороны почти тождественныя, одновременныя и въ равной мѣрѣ осужденныя ею передъ общественнымъ мнѣніемъ Западной Европы, какъ плодъ неискоренимаго фанатизма (письма къ Вольтеру и Антидотъ), оба эти дѣла въ сущности отличались тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ не затрогивались прерогативы ея власти и не возбуждались сомнѣнія относительно ея правъ, къ которымъ она относилась всегда такъ чувствительно, въ особенности въ началѣ своего царствованія. Въ отношеніяхъ ея къ Арсенію было нѣчто, не поддававшееся простому опредѣленію на основаніи однихъ фактовъ, но оно вполнѣ ясно въ освѣщеніи этихъ послѣднихъ, а считаться съ ними обязательно для изслѣдователя, каковы бы ни были его личныя симпатіи.

Какъ дань уваженія почитаемому лицу, трудъ автора можно назвать безупречнымъ. Какъ біографія, написанная въ интересахъ почитанія извѣстнаго дѣятеля, послужившаго идеѣ, высокопонимаемой самимъ авторомъ, книга его вѣрна своей цѣли. Литература предмета изучена имъ въ достаточной полнотѣ. Несомнѣнно авторъ внесъ нѣсколько новыхъ штриховъ въ біографическій матеріалъ, изученный имъ по рукописямъ. Можно пожалѣть, однако, что онъ ограничилъ свои приложенія незначительнымъ лишь количествомъ документовъ. Въ бо̀льшій упрекъ слѣдуетъ поставить ему отсутствіе необходимой объективности въ спорныхъ вопросахъ, кото̀рые къ тому же являются часто недостаточно подкрѣпленными фактами или болѣе вѣскими соображеніями. Впрочемъ наши замѣчанія не лишаютъ трудъ автора права на возможное поощреніе.